

Библейско-богословская коллекция
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Пыпин А.

**СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ
ПО НОВЫМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ**

Вестник Европы, 1897, № 11, с. 248-285

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2010

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2010

СИЛЬВЕСТРЪ МЕДВѢДѢВЪ

ПО НОВЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

- Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Александра Прозоровскаго (въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“, 1896, и отдѣльно. М. 1897).
- Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Ивана Козловскаго, окончившаго курсъ историко-филологическаго факультета. Кіевъ, 1895.

Исторія нашей старой литературы до сихъ поръ недостаточно выяснена, въ особенности по состоянію ея основныхъ источниковъ: множество памятниковъ, между прочимъ и основныхъ, остается неизвѣстнымъ, и такимъ образомъ прежде всего изученіе ихъ возможно лишь для тѣхъ, кто можетъ посвящать время работѣ надъ архивнымъ матеріаломъ на мѣстѣ; трудность увеличивается тѣмъ, что самый архивный матеріалъ не вполне описанъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже далеко не для всѣхъ доступенъ. Замѣтимъ, напримѣръ, что нѣкоторыя писанія Сильвестра Медвѣдева, дѣятеля конца XVII вѣка, хранились за печатью до пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія. Понятно, что свѣдѣнія о старыхъ временахъ нашей литературы оставались неполными, отрывочными, часто невѣрными; а затѣмъ, когда явилась возможность изслѣдованія, оно по необходимости направилось въ особенности на самое раскрытіе матеріала и на изученіе монографическое. Это послѣднее было совершенно естественно, такъ какъ прежде всего для историческаго изслѣдованія нужно было обезпечить обстоятельное знаніе самыхъ фактовъ. Должно замѣтить притомъ, что до новѣйшаго періода нашей исторической литературы, который начинается съ эпохи реформъ,

съ конца пятидесятихъ годовъ, изслѣдованіе было крайне затруднено еще съ другой стороны, а именно, со стороны цензуры. До тѣхъ поръ господствовали особаго рода цензурныя соображенія (сохранявшіяся впрочемъ и долго послѣ, даже до нашихъ дней), находившіяся въ соответствіи съ общимъ характеромъ административныхъ взглядовъ. Какъ въ практической жизни современнаго общества и народа все предполагалось идущимъ по предписанному порядку и на бумагѣ „все обстоитъ благополучно“, такъ это предполагалось и въ прошедшемъ; во время дѣятельности извѣстнаго Пегласнаго комитета это соображеніе высказалось откровенно въ прямомъ запрещеніи историкамъ касаться мрачныхъ эпохъ русской исторіи и въ запрещеніи этнографамъ указывать какія-либо отрицательныя черты народнаго быта. Когда съ эпохи реформъ наступило нѣкоторое освобожденіе и для литературы, однимъ изъ первыхъ результатовъ его было чрезвычайное расширеніе историческихъ и этнографическихъ интересовъ. Это было, безъ сомнѣнія, великое приобрѣтеніе и для науки, и для общественнаго сознанія. Съ этихъ поръ впервые стали возможны многія изученія, которыя до тѣхъ поръ были почти немыслимы: изученіе людей и событій XVIII вѣка, изученіе раскола, даже изученіе древней письменности, какъ рядомъ съ этимъ началось усиленное изслѣдованіе народнаго быта. Не было принято къ этому развитію науки никакихъ особыхъ мѣръ, увеличилась только внѣшняя возможность изслѣдованія: довольно было сдѣлать болѣе доступными архивы, устранить до извѣстной степени цензурныя стѣненія, и въ литературѣ открылась оживленная работа по изученію старины и народной жизни, потому что глубокій интересъ къ этому изученію существовалъ уже ранѣе, и теперь онъ только могъ быть приложенъ къ дѣлу.

Къ числу предметовъ, которые привлекали особенное вниманіе историковъ, принадлежала, между прочимъ, та критическая эпоха нашей исторіи, какую представляетъ XVII вѣкъ. Это было время усиленнаго броженія, когда въ русской жизни несомнѣнно сказывалось стремленіе выйти изъ прежней неподвижности, расширить умственный горизонтъ, основать школу; и въ то же время вспыхнула страшная вражда противъ всякой повизны со стороны приверженцевъ стараго порядка вещей, въ видѣ церковнаго раскола. Это броженіе, которое въ прежнее время изображалось обыкновенно чисто внѣшнимъ образомъ, очевидно, представляло собою цѣлый историческій процессъ, глубокое значеніе котораго обнаруживалось уже тѣмъ, что, напримѣръ, расколъ увлекъ огромную массу народа и, несмотря на всѣ преслѣдованія цер-

ковныя и гражданскія, удержался до сихъ поръ во многихъ милліонахъ русскаго народа; а съ другой стороны, тѣ слабыя и неувѣренныя стремленія къ западному образованію, какія можно услѣдить въ XVII вѣкѣ, завершились преобразованіями Петра, которыя дали совсѣмъ иной видъ общественной и національной жизни, и впервые открыли возможность русской науки и новѣйшей литературы. Уразумѣть истинное значеніе этихъ явленій возможно было только при внимательномъ и детальномъ изученіи всего того строя русской жизни, какой господствовалъ въ московской Россіи XVII столѣтія. Кромѣ внѣшней исторіи, важнымъ вопросомъ было разслѣдованіе той старой литературы, которая, по обычаю древнихъ вѣковъ, существовала почти только въ рукописяхъ. Новыя изслѣдованія естественно направились въ рукописныя бібліотеки и архивы. Началось усиленное изданіе памятниковъ и изученіе старыхъ писателей и литературныхъ движеній, по рукописямъ. Сколько поваго и чрезвычайно важнаго исторически открывалось при этомъ, можно видѣть по тому, что только за послѣднія десятилѣтія были или открыты или впервые изданы такіе первостепенные памятники старой письменности, какъ Стоглавъ, Домострой, и писанія Іосифа Волоцкаго, Максима Грека, Зиновія Отенскаго, Арсенія Суханова, лѣтописцы и историки XVII вѣка, слѣдственные дѣла о Никонѣ, о стрѣльцкомъ бунтѣ, автобіографія Аввакума и многочисленныя писанія по расколу; предприняты были біографіи такихъ дѣятелей, какъ Петръ Могила, Дмитрій Ростовскій, Теофанъ Прокоповичъ; далѣе, раскрывались сочиненія Посошкова, Татищева и т. д.; указывались впервые архивные документы о важнѣйшихъ событіяхъ XVII вѣка и времятъ Петра и т. д. Передъ историками представала совсѣмъ новая картина, гдѣ можно было видѣть тѣсную связь событій съ историческимъ складомъ жизни, народнымъ преданіемъ и вѣрованіемъ, съ новыми понятіями, какія начинали волновать наиболѣе чуткихъ и образованныхъ людей; гдѣ за событіями и книгами открывалась борьба жизненныхъ элементовъ, личныхъ, общественныхъ и національныхъ.

Но эта новая картина раскрывалась только понемногу. Какъ мы сказали, самая возможность этихъ изученій начинается почти только съ конца пятидесятихъ годовъ. По свойству матеріала, по неизбѣжной медленности архивнаго труда, старые памятники могли быть изучаемы только по частямъ и постепенно. Разъ полученные факты дополнялись потомъ другими находками, которыя открывали новую сторону предмета, давали новую точку зрѣнія; сами изслѣдователи приступали къ своей работѣ съ раз-

личными взглядами,—такъ что нѣсколько полное представленіе о предметѣ получалось иногда только послѣ многократныхъ попытокъ охватить его содержаніе. Въ концѣ концовъ въ нашей историографіи послѣдняго времени естественно развилось стремленіе къ монографическому изслѣдованію по архивнымъ матеріаламъ, которое ставитъ себѣ болѣе тѣсныя задачи, но зато старается исполнить ихъ самымъ подробнымъ исчерпывающимъ образомъ. Въ настоящее время можно насчитать довольно много подобныхъ монографій по литературѣ XVII и XVIII вѣка, и между ними весьма почетное мѣсто займетъ книга г. Прозоровскаго.

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ капуна Петровской реформы. Питомецъ и другъ Симеона Полоцкаго, онъ сталъ его преемникомъ въ Спасской школѣ, унаслѣдовалъ у него большое книжное знаніе, книжную дѣятельность, близость ко двору царя Оедора Алексѣевича, потомъ царевны Софьи; но не унаслѣдовалъ его осторожности и уклончивости: вмѣшавшись въ догматическій споръ того времени, онъ навлекъ на себя ожесточенную вражду патріарха Іоакима и его ближайшихъ приверженцевъ, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Шакловитаго и былъ казненъ въ 1691 за мнимое участіе въ его политическихъ замыслахъ. На изслѣдованіяхъ о Медвѣдевѣ можно въ особенности видѣть то, что мы сейчасъ указывали,—какъ медленно и черезъ какой рядъ источниковъ, даже въ рукахъ весьма знающихъ изслѣдователей, приобрѣталось, наконецъ, первое ясное представленіе о самыхъ фактахъ его біографіи и церковно-литературной дѣятельности и первое правильное пониманіе его личнаго и общественнаго характера. Напримѣръ, въ тридцатыхъ годахъ не знали даже года его казни и относили ее къ 1720 году; до послѣдняго времени не была выяснена принадлежность Медвѣдеву даже нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ его трудовъ; еще болѣе важное колебаніе было въ самой оцѣнкѣ его характера. Догматическій споръ, въ которомъ принялъ дѣятельное участіе Медвѣдевъ, въ то время до крайней степени возбудилъ страсти тогдашнихъ церковныхъ и общественныхъ партій. Съ догматическимъ, собственно обрядовымъ, вопросомъ связанъ былъ споръ о двухъ искомымъ направленіяхъ для начинавшейся русской школы и цѣлаго просвѣщенія: партіи считались тогда одна „греческою“, другая „латинскою“; одна въ сущности была консервативною, настаивала на „греческомъ ученіи“, которое по старой памяти считали единственно правильнымъ приверженцы старины; другая утверждала необходимость школы „латинской“, въ которой видѣла новую, болѣе богатую науку. Уже вскорѣ Петръ рѣшилъ споръ тѣмъ,

что сталъ искать не греческой и не латинской науки, а европейской, и не науки схоластической, а реальной и практической. Но набапунѣ реформы вопросъ не дошелъ еще до этой прямой постановки и держался еще на почвѣ старой церковной книжности. Извѣстно, что первыя вліянія книжной науки шли въ Москву изъ южной и западной русской школы, выросшей въ борьбѣ противъ католичества и уніи и заимствовавшей оружіе этой борьбы изъ латино-польской схоластической школы. Кіевъ, Львовъ и западная Русь въ XVI—XVII столѣтіи были въ этомъ схоластическомъ направлеңіи несравненно учепѣ Москвы, и послѣдняя по неволѣ обращалась къ южнымъ и западно-русскимъ ученымъ, когда церковныя нужды требовали большаго книжнаго знанія, чѣмъ паходилось тогда въ самой Москвѣ: такими нуждами были исправленіе и новые переводы книгъ, устройство школы, наконецъ, преподаваніе въ самомъ царскомъ семействѣ. Южно-русскіе, или „черкасскіе“, западно-русскіе, или „литовскіе“, учепые были несомнѣнно люди православные, и у себя дома они съ великою ревностію вели борьбу за православіе, тѣмъ болѣе трудную, что приходилось бороться не только съ католической церковью, но и съ польской политической властью, которая всеми средствами поддерживала католичество и унію. Въ Москвѣ не могли этого не видѣть; тѣмъ не менѣе, когда западные и южные ученые появлялись въ Москвѣ, московскіе люди вообще смотрѣли на нихъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, которое иной разъ переходило въ прямую вражду. Московскимъ людямъ, ничего не выдавшимъ, кромѣ своихъ порядковъ, привыкшимъ къ своему обыходу, казалось подозрительнымъ все, что не было похоже на московскій обычай; а пріѣзжіе черкасскіе и литовскіе ученые дѣйствительно отличались отъ московскихъ людей не только другими обычаями, но также и нѣкоторыми особенностями въ самыхъ церковныхъ взглядахъ, незамѣтно проникавшими отъ вѣкового сосѣдства съ католичествомъ и отъ литературнаго вліянія латинскихъ книгъ. Если въ Москвѣ того времени господствовало убѣжденіе, что послѣ паденія Константинополя, и еще ранѣе, послѣ флорентинскаго собора, истинное православіе заключается только въ Москвѣ; если московскіе люди нерѣдко смотрѣли въ этомъ отношеніи свысока на самихъ грековъ, прежнихъ учителей, и когда притомъ чистота православія предполагалась не только въ догматѣ, но и въ безразличномъ по существу обрядѣ, и самый обрядъ считался догматомъ, то понятно, что малѣйшее отступленіе отъ московскаго обычая должно было внушать подозрѣнія. Такъ московскія церковныя власти

были очень недовѣрчивы къ Симеону Полоцкому; но онъ былъ неуязвимъ, во-первыхъ, по своей осторожности, а во-вторыхъ, и главное, по своей близости ко двору, — тѣмъ не менѣе впоследствии враги его не усумнились называть его прямо не только латиняниномъ, но и іезуитомъ: при этомъ, кромѣ того, полагалось, что такой латинянинъ непременно подослалъ отъ папы для разрушенія православія. Какъ ближайшій ученикъ, другъ и сотрудникъ Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, сначала лицо безобидное, вскорѣ однако оказался въ весьма неблагопріятномъ положеніи, потому что на него перенесено было все то недовѣріе, какое старая московская партія духовенства, съ патріархомъ во главѣ, питала къ Полоцкому: Медвѣдева спасало только расположеніе къ нему царя Ѳеодора Алексѣевича, а потомъ царевны Софьи, — но когда положеніе самой царевны стало колебаться, а затѣмъ совершилось ее паденіе, и участь Медвѣдева была рѣшена. Раздраженіе противъ него было еще сильнѣе, чѣмъ противъ его учителя: Медвѣдевъ имѣлъ неосторожность весьма рѣшительно вмѣшаться въ церковный споръ, гдѣ его противниками были приближенные патріарха Іоакима, греки братья Лихуды и чудовскій монахъ Евѳимій, а въ сущности самъ патріархъ, и въ этомъ спорѣ держаться мнѣнія, на дѣлѣ весьма распространеннаго въ самой русской старинѣ, но которое осуждалось теперь какъ латинское. Споръ, въ основѣ котораго была враждебность стараго московскаго преданія къ начинающимся новизнамъ, враждебность старыхъ московскихъ книжниковъ къ ученымъ пришельцамъ (и ихъ союзникамъ), потому что первые чувствовали, какъ изъ ихъ рукъ ускользаетъ книжный и съ нимъ правственный авторитетъ, — когда притомъ въ самомъ кругу старины произошелъ страшный разрывъ въ расколѣ, противъ котораго этотъ авторитетъ уже оказывался бессильнымъ. Рѣзкое столкновеніе и книжная полемика между двумя сторонами произошли по отдѣльному литургическому вопросу — о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи: совершается ли оно во время произнесенія іереемъ словъ Спасителя: „примите, ядите“ и пр., или же послѣ произнесенія іереемъ молитвы: „и сотвори убо“ и пр. Но вопросъ, который, повидимому, могъ бы рѣшиться спокойнымъ изслѣдованіемъ церковнаго преданія, поставленъ былъ съ такою крайнею петершинностью, которая была бы непохвально, еслибы, какъ мы сказали, въ этомъ вопросѣ не были замѣшаны самые живучіе интересы стараго московскаго преданія. Медвѣдевъ, державшійся взгляда, который считался латинскимъ, въ полемикѣ не былъ побѣжденъ; онъ не уступилъ противникамъ, — но

это еще болѣе разжигало вражду къ нему; онъ имѣлъ кромѣ того неосторожность отзываться не совсемъ уважительно о самомъ патріархѣ, что „онъ, святѣйшій, человекъ бодрый и добрый, а учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ“. И когда затѣмъ Медвѣдевъ примѣшанъ былъ къ дѣлу Шафловитаго, былъ взятъ къ розыску, пытавъ, приговоренъ къ смерти и наконецъ казненъ, противная партія торжествовала, — и если еще во время полемики братья Лихуды и инокъ Евимій извергали на него цѣлыя потоки ругательства и проклятій, то послѣ осужденія и казни составлена была особая повѣсть „о разстригѣ Медвѣдевѣ“, гдѣ даже гибель противника не умѣрила ненависти и гдѣ съ злобною радостью рассказывается, какъ онъ былъ пытавъ „огнемъ и бичи“ и какъ, наконецъ, онъ былъ „главоотсѣченъ“...

Исторія долго не наступала для Медвѣдева. Хотя давно уже стали извѣстны отзывы современниковъ, что это былъ „чернецъ великаго ума и остроты ученой“ (записки гр. Матвѣева), что должно было бы обратить вниманіе на человека, вызвавшего отзывъ, столь рѣдкій для человека XVII-го столѣтія, о Медвѣдевѣ даже до недавняго времени повторялись отзывы его злѣйшихъ противниковъ, что это былъ „неучъ“, ересіархъ, латинянинъ, грубый честолюбецъ, возмутитель, понесшій казнь, достойную его дѣяній. Исслѣдованіе только мало-по-малу стало разъяснить истинную сущность дѣла, по мѣрѣ того, какъ приводился въ извѣстность рукописный матеріалъ библиотекъ и архивовъ.

Трудъ г. Прозоровскаго есть самое замѣчательное изъ всего, что представляетъ литература о Медвѣдевѣ. Авторъ поставилъ себѣ задачей рассмотреть весь этотъ архивный и библиотечный матеріалъ, прослѣдить шагъ за шагомъ біографію Медвѣдева, насколько сохранились о ней извѣстія, проверить всѣ, высказанные въ литературѣ, взгляды на его личный характеръ и историческую дѣятельность, подробно разобрать его книжные труды. Все это исполнено чрезвычайно добросовѣстно, быть можетъ даже съ избыткомъ излишествомъ. Авторъ началъ съ того, что рассмотрѣлъ всю существующую у насъ литературу о Медвѣдевѣ, важное и неважное; потомъ въ болѣе краткомъ видѣ повторилъ еще разъ этотъ разборъ въ настоящемъ изслѣдованіи, — что не устранило для него необходимости снова говорить объ этихъ сочиненіяхъ въ самомъ текстѣ, по поводу тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ. Въ результатѣ авторъ приходитъ къ выводу, что „безъ близкаго знакомства съ документами архивовъ и библиотекъ совершенно невозможно писать какое-либо изслѣдованіе по русской исторіи“, — но этотъ выводъ разумѣется самъ собою,

когда изслѣдователь ставитъ себѣ ту или другую специальную задачу, для рѣшенія которой матеріалъ остается неиздапнымъ. Трудъ г. Прозоровскаго въ самомъ дѣлѣ и основанъ главнымъ образомъ на рукописномъ матеріалѣ ⁽¹⁾).

На основаніи этого матеріала авторъ собралъ, сколько было возможно, обстоятельныя свѣдѣнія о біографіи Медвѣдева, какихъ доселѣ еще не было: разыскавъ по разнымъ документамъ годъ его рожденія, его семью, имена отца и матери, и т. д.: отца звали Агаѳономъ, мать — Стефанидой, — но имя отца далѣе прямо указывается однимъ документомъ, гдѣ Медвѣдевъ названъ по отчеству. Авторъ выслѣдилъ первую службу Медвѣдева, поступленіе подъячимъ въ тайный приказъ; нашелъ по сохранившимся расходнымъ книгамъ приказа годы и мѣсяцы службы, жалованье, какое получалъ Медвѣдевъ, и т. д. Съ основаніемъ Спасской или Заиконоспасской школы Симеона Полоцкаго, Медвѣдевъ вмѣстѣ съ тремя другими подъячими тайнаго приказа отданъ былъ (начальствомъ) въ эту школу учиться „по латинскимъ и грамматикѣ“: подъячихъ видимо отдали въ школу для пользы службы. Это было въ 1665 году: Медвѣдеву было тогда 24 года.

Описывая эту школу, авторъ опредѣляетъ ее какъ „чисто латинскую“. Далѣе, авторъ указываетъ злоупотребленіе этимъ терминомъ, когда людей, знавшихъ латинскій языкъ, готовы были по этому одному считать и людьми латинской *отры*; но подобнымъ образомъ и самъ онъ говоритъ о школѣ Полоцкаго. Она была основана, думаетъ авторъ, несомнѣнно по инициативѣ самого Полоцкаго: „невозможно думать, чтобы „тишайшій“ и благочестивѣйшій царь Алексѣй, особенный любитель и почитатель всего православно-греческаго, по собственному почину задумалъ основать въ Москвѣ — „въ вишицѣ Христовѣ великороссійскаго народа“ — школу строго латинскую (?), съ латинскимъ направлениемъ (?), явно и съ перваго раза враждебнымъ направленію православно-греческому (?)... Полоцкій былъ на Москвѣ первымъ представителемъ малорусскаго, чисто-латинскаго направленія“ (стр. 66—67). Авторъ сказалъ слишкомъ много. Можно было бы повторить слова его: невозможно думать, чтобы тишайшій и

¹⁾ Намъ кажется только не весьма удобнымъ способъ цитирования рукописей. Всего чаще авторъ, приводя какой-либо текстъ, указываетъ только № и такой-то листъ рукописи той или другой бібліотеки или архива: самое содержаніе рукописи, т.-е. цитируемое сочиненіе, остается читателю неизвѣстно. Это — въ родѣ того, какъ называть въ цитатѣ не сочиненіе, а номеръ книги на бібліотечной полкѣ. Самое изложеніе, ради обстоятельности, слишкомъ растянуто: многія цитаты повторены по нѣскольку разъ, — послѣ перваго раза ихъ можно было бы уже считать извѣстными.

благочестивѣйшій царь Алексѣй, особенный любитель и почитатель всего православно-греческаго, держалъ при себѣ чедовѣка съ такимъ латинскимъ, явно враждебнымъ православію направлеиіемъ и даже дѣлалъ его паставникомъ его дѣтей!.. Что Полоцкій самъ задумалъ основаніе школы, это не спасло бы ея, еслибы она дѣйствительно до *такой* степени была латинская. Медвѣдевъ сталъ любимѣйшимъ ученикомъ Полоцкаго, его другомъ, питалъ къ нему настоящее поклоненіе, сдѣлалъ его своимъ идеаломъ и образцомъ и, слѣдовательно, былъ именно напитаиъ латинскимъ ученіемъ, враждебнымъ православію? Такимъ образомъ, авторъ самъ подтверждалъ бы тѣ злостныя обвиненія, какими впоследствии осыпали Медвѣдева его противники Лихуды и инокъ Еввоимій, и которыя, однако, авторъ считаетъ злостными и недобросовѣстными. На дѣлѣ, конечно, ни Полоцкій ни его ученикъ не были латинянами, т.-е. католиками. Вражда перваго не къ греческому православію, а къ тогдашнему московскому духовенству (если она была) и обратно, заключалась въ томъ, что онъ чувствовалъ себя ученымъ чедовѣкомъ между невѣждами и обскурантами, и все латинство его заключалось вѣроятпо только въ извѣстныхъ школьныхъ мнѣніяхъ, непопятныхъ въ Москвѣ, или въ отличныхъ отъ западно-русской жизни обрядностяхъ, которыя въ Москвѣ готовы были принять за латинство. Мы увидимъ дальше, что и для тѣхъ „латинскихъ“ мнѣній, въ которыхъ упорно обвиняли Медвѣдева его противники, провозглашая его настоящимъ еретикомъ, г. Прозоровскій находитъ достаточное объясненіе въ предѣлахъ православной книжности и обычая.

Медвѣдевъ учился у Полоцкаго три года. Біографъ рѣшительно возстаеъ противъ стараго обвиненія, что Медвѣдевъ былъ „неучъ“, повтореннаго, къ удивленію, даже такимъ ученымъ, какъ Н. Ѳ. Каптеревъ. Г. Прозоровскій старается доказать, что школа Полоцкаго давала не одно элементарное образованіе, а могла быть приравнена къ нынѣшней средней школѣ: Медвѣдевъ „послѣ почти трехлѣтняго обученія въ Спасской школѣ Симеона Полоцкаго прекрасно изучилъ латинскій (и польскій) языкъ, риторикку и пѣтику, весьма близко ознакомился съ исторіей, богословіемъ и (отчасти) съ философіей: позднѣйшія сочиненія Медвѣдева почти по всѣмъ отраслямъ указаннымъ сейчасъ наукъ служатъ неопровержимымъ доказательствомъ справедливости этой мысли“. Но эти старанія доказать, что школа Полоцкаго могла равняться средней школѣ, довольно бесполезны потому, что въ данномъ случаѣ обученіе вовсе не было похоже на обыкновенное школьное преподаваніе. Медвѣдевъ не былъ обыкновенный ученикъ:

сами враги его среди ругательствъ признають его особенныя дарованія; онъ началъ учиться уже двадцати-четырехъ лѣтъ и, конечно, быстро усваивалъ ученіе; кромѣ того, въ эти годы онъ жилъ даже вмѣстѣ съ Полоцкимъ и школа продолжалась цѣлыми днями въ постоянныхъ бесѣдахъ; въ его распоряженіи была богатая бібліотека учителя, и у самого Медвѣдева была потомъ большая бібліотека, въ которой было много ученыхъ книгъ, латинскихъ и польскихъ, по богословію, исторіи и другимъ наукамъ. Біографъ указываетъ, что Медвѣдевъ былъ знакомъ также и съ греческимъ языкомъ. Вѣроятно, уже теперь, а главное потомъ, во время своей службы справщикомъ, Медвѣдевъ очень хорошо познакомился и съ церковными славянскими книгами... Братья Лихуды могли говорить свысока о неучености Медвѣдева, потому что сами они обучались въ падуанскомъ университетѣ, но въ Московскомъ царствѣ никакого подобія университета не было. Медвѣдевъ прибрѣлъ все то знаніе, какое было возможно въ тогдашнихъ русскихъ условіяхъ, и если онъ былъ „неукомъ“, то чѣмъ были бы его московскіе противники и самъ патріархъ Іоакимъ? Приводя слова братьевъ Лихудовъ о неучености Медвѣдева, слова, которыя повторялись и цѣлостными повѣйшими изслѣдованіями, біографъ приходитъ къ окончательному заключенію, что братья Лихуды „лгутъ безъ зазрѣнія совѣсти“.

Черезъ три года ученія „по латинямъ“ Медвѣдевъ былъ опять потребованъ на службу, потому что все это время продолжалъ числиться подьячимъ тайнаго приказа. Въ 1668 году онъ былъ причисленъ къ посольству боярина Ордина Нащокина, который отправлялся на съѣздъ съ шведскими уполномоченными въ Курляндіи и потомъ съ польскими уполномоченными въ Андрусовѣ; въ указѣ было сказано, что Медвѣдевъ съ товарищами отправленъ былъ съ бояриномъ „для наученія“. Онъ прожилъ въ нѣмецкихъ и польскихъ земляхъ около полугода. Вернувшись въ Москву, онъ продолжалъ свою службу въ тайномъ приказѣ... Свѣдѣнія объ его жизни за эти годы совсѣмъ отсутствуютъ. Судя по всему, на примѣръ по дальнѣйшей его перепискѣ съ Полоцкимъ, по его великой привязанности къ своему наставнику, надо полагать, что и теперь онъ продолжалъ съ нимъ свои сношенія и свою науку. Затѣмъ извѣстно, что въ 1671 году Медвѣдевъ выѣхалъ изъ Москвы въ Молченскую пустынь въ Путивль, вмѣстѣ съ строителемъ этой пустыни Софрономъ, и года черезъ два здѣсь же онъ принялъ монашество: изъ „грѣшнаго Симеона (Сеньки) Медвѣдева“ сталъ уже „недостойнымъ монахомъ грѣшнымъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ“.

Авторъ подробно останавливается на вопросѣ о томъ, что побудило Медвѣдева принять монашество. Самъ Медвѣдевъ говорилъ только, что хотѣлъ „устрапитися міра и его молвы“. Біографы расходились во взглядахъ на тѣ побужденія, какія имъ руководили. Одни думали, что онъ почувствовалъ склонность къ духовному званію; другіе полагали, что въ монашествѣ онъ надѣялся свободнѣе заниматься науками; третьи соображали, что онъ питалъ честолюбивыя цѣли, такъ какъ понималъ, что „такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какаго по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія“, — нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось даже, что Медвѣдевъ вообще былъ „карьеристъ“ (?); иные думали, пакопецъ, что Медвѣдевъ руководился „артистическимъ чутьемъ“, желаніемъ „побыть одному среди сельской природы и вырваться на свободу изъ-подъ постоянного контроля“ (?) и т. д. Г. Прозоровскій замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію, біографъ Медвѣдева встрѣчаетъ для себя почти неодолимое препятствіе при рѣшеніи вопроса о томъ, что побудило Семена промѣнять должность подьячаго приказа тайныхъ дѣлъ на нелегкія обязанности, соединенныя съ принятіемъ на себя „ангельскаго чина“ и съ нѣкоторою необходимостью заняться извѣстнымъ „умнымъ дѣланіемъ“. Ни самъ Медвѣдевъ, ни кто-либо изъ близкихъ къ нему лицъ не сочли нужнымъ оставить для потомства какую-либо записку по интересующему насъ вопросу. Вотъ почему въ дашномъ случаѣ становятся неизбежными разнаго рода предположенія и догадки, ипогда ни на чемъ даже необоснованныя“. Авторъ склоняется къ тому наиболѣе вѣроятному мнѣнію, что Медвѣдевъ, принимая монашество, руководился идеями своего паставника. Онъ „припалъ монашество, если не по прямому настоянію Полоцкаго, то подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ послѣдняго или, точнѣе, подъ вліяніемъ воззрѣнія Полоцкаго на жизнь мірскую и—особенно—монашескую... Жизнь въ мірѣ и, въ особенности, семейная жизнь казалась Полоцкому совершенно несомвѣстимою съ расположеніемъ къ науцѣ: по его мнѣнію, она налагаетъ на человѣка многіе труды и обязанности, рѣшительно противодѣйствующіе интересамъ научной дѣятельности—это съ одной стороны. Съ другой... по воззрѣнію Полоцкаго, „всякъ человѣкъ въ мірѣ семъ есть борець или воинъ, ибо искупленіе или брань есть житіе человѣческое на земли, брань же съ плотію, съ міромъ, съ демономъ: брань о отечествѣ небесномъ“. Такой взглядъ Полоцкаго на условія монашеской жизни и личный примѣръ его, конечно,

произвели глубокое впечатлѣніе на Семена Медвѣдева, для котораго не обрѣталось ничего „въ душевнѣмъ домѣ тако драго и честно, яко скрыжали сердца, въ нихъ же суть при божественныхъ заповѣдехъ и твоя (т.-е. Симеона Полоцкаго) грѣшныя моя души ко спасенію написанныя словеса“. Рѣчи „устолаголаннаго онаго учителя“ — С. Полоцкаго — глубоко залегали въ дуплѣ Медвѣдева, и опредѣляли собою какъ нравственную, такъ и практическую его жизнѣдѣтельность“. Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ біографіи Медвѣдева. Опредѣленіе его побужденій въ этомъ рѣшительномъ шагѣ его жизни должно дать понятіе о цѣломъ характерѣ, о побужденіяхъ его дальнѣйшей церковно-общественной дѣятельности, имѣвшей такой печальный конецъ. Авторъ подробно опровергаетъ мнѣнія, высказанныя прежними изслѣдователями; и въ самомъ дѣлѣ, могло ли способствовать ученымъ занятіямъ удаленіе въ захолустную пустынь, гдѣ именно онъ испытывалъ недостатокъ въ книгахъ; и тѣмъ менѣе могло ли это удаленіе способствовать честолюбивымъ планамъ, когда онъ надолго ушелъ въ пустынь, гдѣ его могли совсѣмъ забыть. Въ этой пустыни и въ другой сосѣдней онъ провелъ нѣсколько лѣтъ и притомъ цѣлыхъ два года онъ жилъ въ монастырѣ, еще не принимая монашества, потому что все еще находилъ себя неприготовленнымъ. Все это очень мало вяжется съ какими-нибудь преднамѣренными честолюбивыми планами... Лишь очень немногіе изъ прежнихъ изслѣдователей признавали въ Медвѣдѣвѣ это искреннее увлеченіе монашествомъ, пониманіе котораго онъ заимствовалъ у своего учителя Полоцкаго; объясненіе этого характера, сдѣланное г. Прозоровскимъ, представляется значительно доказаннымъ.

Изъ пустыни Полоцкій переписывался съ своимъ наставникомъ. Писемъ Медвѣдева сохранилось немного, но всѣ онѣ одинаково исполнены выраженіями самой преданной любви къ учителю и просьбами о духовномъ руководствѣ и помощи. Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „вспомогай ко пресвятой Троицѣ твоихъ о мнѣ грѣшнемъ святыхъ молитвъ присскреннимъ ходатайствомъ, дабы животворящая всемилосердая Троица своя дѣля благости и твоихъ ради о мнѣ бываемыхъ прилѣжныхъ къ ней молитвъ, моей къ ней всемогущей силѣ прошеніе исполнила, и паки даровала и главныхъ моихъ трехъ непрителей ми побѣдiti: лукаваго бѣса, скверное мое тѣло и міръ сей предестинный, — и тако въ побѣдѣ сея жизни время преживише, уллучити отъ Подвигоположника Христа Иисуса истиннаго Бога неувыдаемый вѣнецъ славы“.

Въ другомъ мѣстѣ Медвѣдевъ удивляется великимъ достоинствамъ своего учителя, изображая ихъ, по словамъ біографа, „въ чертахъ возвышенныхъ, проникнутыхъ силою и искренностью чувства“. Приводимъ еще эту цитату, потому что она опять можетъ поставить на правильную точку зрѣнія объ отпопеленіяхъ этихъ двухъ лицъ и о настроеніи, какое владѣло самимъ Медвѣдевымъ. „Сія вся,—говоритъ онъ,—и опыа пречестности твоея великія добродѣтели и считаая, яко разумъ глубочайшій, премудрость чистую, мирную, кроткую, благопокоривую, исполненную милости и плодовъ благихъ, несумнѣнную и нелицемѣрную,—постоянство незаблемое, благоговѣнство истинное, совѣсть непорочную, бодрость чудную, въ словеси мѣрность христіанскую, приѣмность доброхвальную, увѣтливость удивительную, щедрость богатую, милость велию, помощь усердную, любовь нелицеприемную,—сердечно веселящися и еще извѣстную благочестія къ расширенію надежду усматриваю: ибо возрастающимъ твоего преподобія лѣтомъ, восточной церкви вящіе благіе плоды возрастати не престануть“ (стр. 135). Далѣе, перечисляя творенія Полоцкаго, Медвѣдевъ призываетъ на него соотвѣтствующія награды отъ праведнаго Бога. „И подаждь, Боже праведный, заслуужъ мздовоздатель, тако великому около хвалы его житіемъ и словомъ тщанію, пречестности твоей, на небеси за Вѣнецъ Вѣры пріяти вѣнецъ живота, якоже вѣнчающій милостію и щедротами рече въ Апокалипсіи: „буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота“; и за Обѣдъ Душевный спѣсти обѣдъ въ царствіи Божіи... за Вечерю же Душевную со убѣжденными на вечерю вѣчныя всякихъ благихъ исполненной сладости ввестися, и тамо насытитися славою Божественною, за Жезлъ Правленія да послеть ти Господь отъ Сіона жезлъ силы, имъ же да возгосподствуеши посредѣ врагъ твоихъ... къ тому же да умножить убо Онъ, превышній окормитель всяческихъ, въ крѣпости тѣлесе лѣта святости твоей во утверженіе и распиреніе христіанскія нашея восточныя вѣры, въ богатое возвращеніе и благолѣпіе церкви святаго православнаго“ (стр. 136).

Біографъ замѣчаетъ, что если въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ намъ представляется нѣкоторая аффектація, то она происходила отъ возбужденнаго настроенія и привычной риторической формы и не была только льстивымъ преувеличеніемъ. Медвѣдевъ всегда говорилъ о Полоцкомъ въ топѣ этого полнаго преклоненія, также въ письмахъ къ постороннимъ лицамъ, и потому, по смерти Полоцкаго, когда не могло быть мѣста для лести.

И за эти годы опять нѣтъ никакихъ ближайшихъ біографическихъ свѣдѣній о Медвѣдевѣ. Въ апрѣлѣ 1677 Медвѣдевъ прибылъ въ Москву и уже не возвратился въ Путивль. Этотъ переѣздъ въ Москву объясняли различнымъ образомъ: что таково было желаніе Симеона Полоцкаго, что самъ Медвѣдевъ хотѣлъ свидѣться съ своимъ учителемъ, или, наконецъ, что поѣздка была вызвана случайнымъ поводомъ: Медвѣдевъ хотѣлъ хлопотать, и дѣйствительно хлопоталъ, за своего путивльскаго друга, игумена Софронія, который подвергся тогда немилости. Какъ бы то ни было, обстоятельства сложились такъ, что Медвѣдевъ остался въ Москвѣ по „не единократному“ приказанію самого царя Ѳедора Алексѣевича... Впослѣдствіи ненависть къ Медвѣдеву его враговъ была такова, что объ отъѣздѣ его изъ Путивльской Пустыни составила легенда, которую передавалъ чудовскій инокъ Пимень. „Повѣда самовидецъ истины, — рассказываетъ въ этой анекдотической повѣсти, Чюдова монастыря іеродіаконъ Пимень о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ сице: егда изыде онъ, Сильвестръ, изъ Молчипской пустыни къ Москвѣ, и провождаху его изъ монастыря нѣщцы отъ монаховъ, съ пими же и онъ Пимень, — и егда отъѣха изъ монастыря яко поприца два, и въ той часъ абіе излетѣ изъ монастыря змій черныи превеликій, яко саженой двадцати или тридцати, и поднявся на воздухъ излетѣ вслѣдъ его и исчезе. Въ той же часъ и другое Божья гнѣва знаменіе бысть: древо дубъ, превеликій и толстый, стояи недалеко отъ монастыря, подлѣ пути, безъ всякой причины падеся. И сіи двѣ повѣсти повѣда намъ о. Пимень, засвидѣтельствую Богомъ и всею правдою, яко бысть тако истино и неложно при немъ самомъ, видящемъ сицевая непрелестно“...

„Вотъ даже до чего дошло дѣло, — говоритъ г. Прозоровскій: — самый отъѣздъ Медвѣдева на Москву сопровождался двумя знаменіями „гнѣва Божья“, не предвѣщавшими ничего хорошаго будущему „терцу латинскаго злочестія“, состоявшему въ близкомъ родствѣ съ „плевело-сѣятелемъ діаволомъ“, какъ завѣряли послѣ враги Сильвестра“ (стр. 145—146).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Медвѣдевъ удостоился самаго любезнаго вниманія со стороны молодого царя, который, безъ сомнѣнія, наслышался объ его дарованіяхъ отъ Симеона Полоцкаго. Царь (въ іюлѣ 1677) спрашивалъ его объ его постриженіи, велѣлъ жить въ Москвѣ, велѣлъ дать ему лучшую келью въ Заяконоспасскомъ монастырѣ, рядомъ съ келіей Полоцкаго. Обстоятельства сложились очень благоприятно: онъ пользовался благосклонностью царя, жилъ опять вмѣстѣ съ своимъ учителемъ,

который былъ въ его глазахъ „милостивымъ отцемъ и благодѣтелемъ, любомудрственнѣйшимъ грамматикомъ, всепремудрственнѣйшимъ риторомъ, витійственнѣйшимъ въ логическѣ, яснозрительнѣйшимъ въ философіи, источникомъ всѣмъ богато разливаемаго всякія божественныя премудрости“. Продолжая поучаться у столь премудраго наставника, Медвѣдевъ былъ у него не только ученикомъ и исполнителемъ различныхъ порученій, но и сотрудникомъ, уже довольно самостоятельнымъ. По словамъ г. Прозоровскаго, „смотря на свои труды, какъ на первыя, правильно выполненные, опыты удовлетворенія умственныхъ запросовъ и потребностей русскаго общества, Полоцкій долженъ былъ сознавать себя основателемъ новой литературной школы. Соотвѣтственно тому, въ послѣдніе годы своей жизни Симеонъ пожелалъ, такъ сказать, подвести итогъ своей литературной дѣятельности, оочательно приготовивъ къ издацію главнѣйшія свои сочиненія прежнихъ лѣтъ. Трудъ этотъ былъ исполненъ Симеономъ при дѣятельномъ участіи и энергичной помощи Сильвестра“, — и свидѣтельствомъ этого остаются списки сочиненій Полоцкаго, сдѣланные Медвѣдевымъ и исправленные авторомъ, причемъ и самъ переписчикъ дѣлалъ въ этихъ спискахъ дополненія и помененія. Приводя примѣры, біографъ замѣчаетъ: „Нельзя здѣсь не обратить вниманія и на тотъ фактъ, что Сильвестръ ипогда позволялъ себѣ не соглашаться съ мнѣніями своего учителя, — фактъ, свидѣтельствующій для насъ то любопытное и крайне интересное явленіе, что при всемъ своемъ безграничномъ уваженіи и даже благоговѣніи къ „устоглаголапному“ Сильвестру, однако, не могъ поступиться истиной и дорогой для него свободой открыто высказывать свои собственные мысли: это — весьма характеристичная для Медвѣдева черта, особенно замѣтно проходящая черезъ всю вторую половину его жизни“. Кроме того, эти примѣры, „обнаруживая въ своемъ авторѣ близкое знакомство съ текстомъ книгъ св. писанія и умѣнье искусною рукою исправлять чужія опибки и выяснять чужія педомолвки, какъ нельзя лучше свидѣлствуютъ и съ почти непререкаемою очевидностью говорятъ за полную подготовленность Медвѣдева къ болѣе или менѣе успѣшнымъ занятіямъ его по должности вѣнжлага справщика“ (стр. 158, 163).

Дѣло въ томъ, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, съ 1678, Медвѣдевъ былъ назначенъ въ число справщиковъ московскаго печатнаго двора. Извѣстно, какимъ большимъ мѣстомъ тогдашней церковной жизни былъ вопросъ объ исправленіи книгъ, которое, между прочимъ, было однимъ изъ поводовъ возникновенія раскола

и однимъ изъ его оправданій. Такимъ образомъ назначеніе въ справщики, на которыхъ лежала главная отвѣтственность за текстъ, принятый въ новыхъ изданіяхъ, свидѣтельствовало о большомъ довѣрїи, какое внушали тогда знанія ученика Симеона Полоцкаго. Разобравъ изданія, въ которыхъ принималъ участіе Медвѣдевъ со своими товарищами, біографъ считаетъ возможнымъ воздать имъ великую честь за умѣлое исполненіе задачи. При изданіи Апостола они пересматривали обширный рукописный и старопечатный матеріалъ, дѣлали сличенія съ греческимъ текстомъ и при этомъ пирѣ не вставляли собственныхъ словъ. „Такимъ образомъ, Иосифу, Нилѣ и Сильвестру удалось сдѣлать множество исправленій въ чтеніяхъ и переводѣ, привести славянскій текстъ въ ближайшее соотвѣтствіе съ греческимъ, не прибавивъ собственно отъ себя ни одного выраженія и ни одного слова. Последнее какъ нельзя лучше доказывается тѣмъ фактомъ, что славянскій переводъ Апостола, изданный въ полной Библии 1751 г. и съ того времени неизмѣнно остающійся у насъ въ употребленіи, не только не отличается отъ текста, установленнаго Іоакимовскими справщиками, но представляетъ полнѣйшее съ нимъ сходство, за исключеніемъ весьма немногихъ и слишкомъ мелкихъ чертъ“ (стр. 182).

Въ августѣ 1670 г. Симеонъ Полоцкій умеръ. Медвѣдевъ назначенъ былъ строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, которому царь особенно покровительствовалъ; онъ унаслѣдовалъ и положеніе Симеона Полоцкаго при дворѣ; наконецъ, сталъ преемникомъ своего учителя и въ церковно-общественной дѣятельности. Медвѣдевъ, по словамъ біографа, сдѣлался главою той партіи московскихъ ученыхъ, представителемъ которой былъ Полоцкій, и „почти на однихъ своихъ плечахъ вынесъ тяжелую борьбу съ многочисленными противниками тѣхъ началъ цивилизаціи, за которыя ратовали главные предшественники Петровскихъ реформъ“.

Въ чемъ же состояла эта борьба?

Біографъ указываетъ, что по смерти Полоцкаго Медвѣдевъ „сталъ въ довольно близкія отношенія къ государскому двору и пользовался здѣсь большимъ успѣхомъ; онъ сталъ *главнымъ лицомъ* (?) при дворѣ, и остался исполнѣн вѣрныи стремленіямъ своего учителя, хотя и не имѣлъ потребной въ такихъ случаяхъ ловкости придворнаго духовника и наставника юго-западныхъ школъ: Сильвестръ дѣйствовалъ рѣзко и энергично, не умѣя по временамъ двуличничать и скрывать своихъ убѣжденій“. И дальше біографъ говоритъ: „Исполняя разнаго рода просьбы и поруче-

ніа царя, Сильвестръ вступалъ по временамъ въ откровенную бесѣду и переписку съ нимъ, давалъ ему нѣкоторые полезныя совѣты, можетъ быть даже въ области политики, въ которой Медвѣдевъ былъ довольно свѣдущъ, и вообще былъ для царя Ѳедора, можно сказать почти безъ преувеличенія, незамѣнимымъ человѣкомъ, которому позволялось даже принимать участіе на семейныхъ государевыхъ празднествахъ“ (стр. 190, 192). Это показаніе остается однако неяснымъ; напимѣръ, участіе въ семейныхъ празднествахъ заключалось только въ томъ, что Медвѣдевъ составилъ вирши на одно такое празднество, какъ дѣлалъ нѣкогда его учитель. Главное было то, что царь Ѳедоръ благосклонно принялъ желаніе Медвѣдева возобновить Спасскую школу и велѣлъ построить въ монастырѣ особыя хоромы для ученя; и вниманіе царя усилило извѣстность Медвѣдева въ московскомъ церковномъ кругу. Медвѣдевъ мечталъ превратить свою школу въ академію, составилъ для нея „привилей“ въ стихахъ, который впослѣдствіи представилъ царицѣ Софѣ въ январѣ 1685 г.,—но, какъ увидимъ, это дѣло не состоялось и было только поводомъ къ столкновеніямъ Медвѣдева съ противоположною партією.

Когда Медвѣдевъ былъ занятъ устройствомъ своей школы, явился въ Москву нѣкто Янъ Ёлбодскій, который показалъ, что, услышавъ о намѣреніи царя открыть въ Москвѣ училище, хотѣлъ предложить себя въ учителя. Это былъ человѣкъ съ неяснымъ прошлымъ: западно-русскій уроженецъ, опъ жила въ протестантами, и съ католиками; при нѣкоторыхъ богословскихъ познаніяхъ, былъ человѣкъ не установившійся, какъ полагаютъ, даже индифферентный къ церковнымъ вопросамъ и, вѣроятно, предполагавшій, что въ неученой Москвѣ можетъ устроить свои дѣла въ качествѣ преподавателя. Еще въ Литвѣ, т.-е. въ западно-русскомъ краѣ, іезуиты обвиняли его въ протестантской ереси, а въ Москвѣ неправославіе Болободскаго было скоро замѣчено ¹⁾).

¹⁾ Г. Прозоровскій говоритъ, что іезуиты называли Ёлбодскаго „кацермистромъ“ (стр. 198); но потомъ постоянно пишетъ это слово „карцермистръ“; это есть *Ketzermeister*.

Дальше, г. Прозоровскій, какъ намъ кажется, напрасно пользуется словами И. Соколова, чтобы опредѣлить тогдашнее церковное броженіе въ Москвѣ: „въ тогдашнее смутное время въ церковной жизни *русскихъ*, время господства своего рода энциклопедизма (?), въ наиболѣе либеральныхъ кружкахъ общества стало входить въ моду наружное индифферентное отношеніе ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ: вѣру, по выраженію И. Соколова, мѣняли тогда какъ одежду, смотря по обстоятельствамъ, по сезону. Къ такому разряду лицъ принадлежалъ и Ёлбодскій“

Между прочимъ противъ него возсталъ и Медвѣдевъ, желая именпо оберечь школу отъ вторженія протестантскихъ учений, къ которымъ относился съ большою враждой. Любопытно, что теперь, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, самъ патріархъ Іоакимъ поручилъ Медвѣдеву разборъ поданнаго Бѣлободскимъ исповѣданія вѣры, и Медвѣдевъ немедля составилъ отвѣтъ, по словамъ біографа, весьма обстоятельный и подробный, изобличающій въ самомъ авторѣ челоуѣка съ богатою богословскою эрудиціей и съ большимъ искусствомъ въ „логичесствѣ“ (стр. 203). Такимъ образомъ за это время Медвѣдевъ, хотя и былъ, какъ всегда, ученикомъ Полоцкаго, не внушалъ патріарху недоуверія: напротивъ, онъ былъ справщикъ на печатномъ дворѣ и признанный полемистъ,—но прошло немного времени и характеръ отношеній совершенно измѣняется.

Въ 1682 году произошелъ Стрѣлецкій бунтъ и Медвѣдевъ, описывая ужасы этихъ событій, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ то же время происходило сильное религиозное волненіе: раскольники, видя стрѣлецкую дерзость, „начаша на св. церковь ратовати, народъ простъ возмущати,—присовокупиша лестными глаголаніи къ тому своему злomu начинанію многихъ служивыхъ людей, грамотѣ неумѣющихъ“; но волненіе происходило и въ кругу людей грамотныхъ. По словамъ Медвѣдева, происходило „въ царствующемъ градѣ въ вѣрѣ колебаніе и ереси прозябаніе отъ неискусныхъ нашей вѣры,—римскія, люторскія и калвицскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ, а разсудити праведнаго отъ неправеднаго не могущихъ“. Изъ самыхъ словъ Медвѣдева можно видѣть, въ чемъ состояла одна изъ существенныхъ причинъ броженія. Расколъ начался лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ безъ всякихъ римскихъ или люторскихъ воздѣйствій; причинами его были собственныя нестроенія въ русской церкви, а вмѣстѣ невѣжество народа, неприготовленность массы духовенства помочь народному недоумѣнію. Эти общія условія оставались тѣ же; и если для объясненія новыхъ раскольниковыхъ волненій нечего было искать какого-нибудь одного ересіарха (ихъ было сколько угодно), то можно было бы не искать его и

(стр. 199). Но Бѣлободскій былъ не московскій русскій, а западно-русскій челоуѣкъ, вообще безъ твердыхъ и ясныхъ убѣжденій, а быть можетъ, просто искатель приключеній. Дальше (стр. 206), г. Прозоровскій считаетъ уже какъ бы установленнымъ фактомъ „такъ называемый польскій энциклопедизмъ“, что въ примѣненіи къ московскому обществу было бы совершенно неумѣстно. Религиозныя волненія въ московскомъ обществѣ вовсе не было мѣной убѣжденія „по сезону“; напротивъ, при всѣхъ заблужденіяхъ это была упорная борьба, дошедшая наконецъ до ножей.

для распространенія римскихъ и люторскихъ лжеученій. Довольно того, что были люди, читавшіе „римскія, люторскія и калвинскія книги на польскомъ языкѣ“: если они увлекались этими книгами, то источникъ ереси, какъ она тогда понималась, былъ готовъ. Но тогда предполагали, что испременио нуженъ ересіархъ; объ этомъ говорилъ и самъ Медвѣдевъ. Уже вскорѣ, когда въ московскомъ церковномъ кругу начался богословскій споръ, обѣ стороны обвиняли другъ друга въ ереси,—и Медвѣдевъ, ратовавшій противъ римскихъ, люторскихъ и калвинскихъ ученій, самъ былъ объявленъ ересіархомъ.

Богословскій споръ, который разгорѣлся къ концу восьмидесятихъ годовъ, происходилъ по упомянутому нами вопросу о времени пресуществленія святыхъ даровъ на литургіи. На Руси,—говорить г. Прозоровскій,—пастушилъ въ церковной жизни такой кризисъ, какого она еще не переживала; по словамъ современника: „тогда бо по-истинѣ видѣти (можно было) ослабленіе рукъ у всѣхъ людей, яко нѣсть помогающаго и къ полезному укрѣпляющаго“; на Руси возгорѣлся „сикилійскій огонь“; „освоволишася пѣціи чловѣковъ, пастырей своихъ не слушающе и закона божественнаго не храняще и страхъ Божій отрипувшіе, не суще священніи, не внемлюще кійждо своему чину, въ немже отъ Бога или отъ царя вчинишася; начаша... разглаголствовати и испытовати... бесѣдовати и вѣщати и другъ со другомъ любопрѣтися, не вѣдуще не токмо тайныхъ и сокровенныхъ, но пиже явленныхъ божественными писаніи нуждныхъ ко спасенію ихъ“... И патр. Іоакимъ говорилъ: „аще не бы всемогущая десница Высочайшаго несказаннымъ своимъ Промысломъ (сикилійскій огонь не погасила), рѣдціи бы остались твердо стояще въ восточномъ отце-предачномъ благочестіи, множайши же, или бы негли мало не всѣ, уклонилися въ слухъ погибельный напекскаго злочестія“ (стр. 207—208).

Главными дѣйствующими лицами въ этомъ спорѣ съ одной стороны былъ Медвѣдевъ, котораго именно обвиняли въ палекскомъ злочестіи, а съ другой стороны греки братья Лихуды и чудовскій инокъ Евимій, за которыми стоялъ самъ патріархъ Іоакимъ, дѣйствовавшій однако именно по ихъ внушеніямъ. Медвѣдевъ очевидно не въ состояніи былъ бы спорить съ такимъ противникомъ, и если онъ не былъ уничтоженъ патріархомъ при первомъ фактѣ непокорности, то лишь по той причинѣ, что находилъ покровительство у царевны Софьи. Впослѣдствіи патріархъ и самую царевну отлучилъ отъ церкви.

Опредѣленіе той роли, какую занималъ Медвѣдевъ въ этомъ

богословскомъ спорѣ и вообще въ раздорѣ тогдашнихъ партій, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ, даже самый важный вопросъ во всей биографіи Медвѣдева, и до сихъ поръ онъ служитъ главнымъ пунктомъ разногласія между изслѣдователями. Особой заслугой г. Прозоровскаго мы считаемъ именно весьма опредѣленную постановку этого вопроса: если и раньше эта точка зрѣнія появилась въ литературѣ, то никто до сихъ поръ не излагалъ ее съ такимъ обстоятельнымъ изученіемъ фактовъ и съ такой доказательностью, хотя съ нѣкоторыми подробностями сужденій автора можно не согласиться.

Прежде чѣмъ изучены были въ подробностяхъ самыя сочиненія Медвѣдева и его противниковъ (должно замѣтить, что по древнему обычаю споръ велся все еще только рукописными книгами) и была выяснена послѣдовательность фактовъ, новѣйшіе изслѣдователи всего чаще руководились въ своихъ заключеніяхъ тѣми злобными отзывами, какіе сдѣлапы были о Медвѣдѣ его противниками при самомъ спорѣ и какими они преслѣдовали его ими и послѣ его гибели. Эти отзывы составляютъ весьма любопытную коллекцію браанныхъ словъ на церковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ вообще Медвѣдевъ явится ученикомъ іезуита (Симсона Полоцкаго), отпавшимъ отъ матери православной церкви, ересіархомъ и ближайшимъ родственникомъ діавола. Впослѣдствіи сочинена была особая повѣсть о разстригѣ Медвѣдѣвѣ. На этомъ основаніи у новѣйшихъ историковъ составила репутація Медвѣдева, какъ неуча, приверженца латинскихъ лжеученій, наконецъ, какъ буйнаго демагога, дерзкаго честолюбца (онъ „хотѣлъ быть патріархомъ“) и соучастника въ заговорѣ Шакловитаго. Доказательствомъ его отпаденія въ латинство служила для новѣйшихъ изслѣдователей, со словъ его тогдашнихъ враговъ, его роль въ спорѣ о пресущественіи, и самое возникновеніе спора приписывалось именно ему. Г. Прозоровскій останавливается прежде всего на этомъ вопросѣ о личной долѣ Медвѣдева въ тогдашнихъ религіозныхъ волненіяхъ и приходитъ къ заключенію совершенно отрицательному. „Неужели,—говоритъ онъ,—виновникомъ всего этого дѣла былъ одинъ только Сильвестръ Медвѣдевъ или, точнѣе, возбужденный имъ споръ по вопросу о времени пресущественія св. даровъ, на чемъ такъ усердно настаиваетъ извѣстный инокъ Евѡимій, а за нимъ и нѣкоторые современные намъ изслѣдователи, всѣми правдами и неправдами старающіеся завищить во всемъ „произникшіи въ винницѣ Христовѣ великороссійскаго народа тернѣ латинскаго злочестія“—съ одной стороны, и съ другой обѣлить

и оправдать представителей противоположной партіи, съ патр. Іоакимомъ во главѣ? При всемъ своемъ уваженіи къ свѣтлымъ сторонамъ личности и дѣятельности Сильвестра, мы рѣшительно не можемъ допустить того, чтобы считать его главнымъ и единственнымъ виновникомъ, вызвавшимъ такой замѣчательный кризисъ въ духовной жизни русскихъ второй половины XVII вѣка: единичный умъ и единичная энергія едва ли когда могли и могутъ разбудить такъ долго дремавшее общество и заставить „не тою мужей, но и женъ и дѣтей... вездѣ другъ съ другомъ— въ схожденияхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ, и гдѣ-либо случится кто другъ со другомъ, въ яевономъ-любо мѣстѣ, временно и безвременно... разглаголствовать и испытovati, и о томъ вся вездѣ бесѣдовать и вѣщати и другъ съ другомъ любопрѣтися... о таинствѣ таинствъ... евхаристіи, како пресуществляется... и въ какое время и кѣими словеса“. Нѣтъ, единичное лицо не въ силахъ вызвать такое явленіе“...

Такое усиленное волненіе должно было имѣть широкія общія причины, и самую существенною изъ нихъ было— „умственное броженіе въ москов. обществѣ, весьма замѣтно и рѣзко проходящее черезъ весь XVII в. и къ концу его выразившееся, между прочимъ, въ богословскихъ спорахъ, изъ-за которыхъ просвѣчивались серьезнѣйшіе жизненные вопросы, какихъ немного можно найти въ нашей русской исторіи. Конечно, вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи оставался специально богословскимъ вопросомъ, но въ существѣ дѣла за нимъ скрывался другой животрепещущій по тому времени вопросъ, отъ такого или иного рѣшенія котораго находился въ прямой зависимости цѣлый строй общественной жизни, перемѣна взглядовъ и господствующаго направленія, перемѣна даже самаго вѣрованія. Вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ былъ собственно только поводомъ и точкою отправленія для борьбы двухъ взаимно противоположныхъ началъ, двухъ цивилизацій,—это былъ остановочный пунктъ на большой дорогѣ исторической жизни русскаго народа, на которомъ встрѣтились представители и проводники двухъ противоположныхъ направленій и, встрѣтившись, никоимъ образомъ не могли ужиться другъ съ другомъ, а потому вступили въ открытую борьбу на жизнь или на смерть. Дѣло въ томъ, что на Руси съ каждымъ годомъ все болѣе и настоятельнѣе чувствовалась необходимость образованія, почему изъ-за богословскаго вопроса проглянуль другой: какое образованіе предпочтительнѣе, какому отдать право гражданства на православной Руси—греческому или латинскому“

(стр. 210—211). Мы сказали бы только, что едва ли отъ рѣшенія полемики Сильвестра съ его противниками зависѣлъ бы до такой степени „цѣлый строй общественной жизни“ и даже „перемѣна самаго вѣрованія“. Сколько бы этотъ вопросъ ни волновалъ умы въ свое время, это все-таки былъ вопросъ второстепенный, и во всякомъ случаѣ отъ него было еще очень далеко до перемѣны даже „вѣрованія“. Самъ биографъ дальше весьма ограничиваетъ размѣры этого вопроса. Медвѣдевъ, хотя въ данномъ случаѣ упорно защищалъ мнѣнiе, которое считалось латинскимъ, въ другихъ случаяхъ столь же рѣзко возставалъ противъ римскихъ лжеученiй, наравнѣ съ люторскими и кальвинскими, какъ и другiе тогдашнiе ревнители православiя; что же касается его мнѣнiя о пресущественiи, то оно было вообще распространено въ южномъ и западномъ православномъ духовенствѣ, и, какъ извѣстно, его придерживался такой достойный человекъ, какъ былъ Димитрiй Ростовскiй, впоследствии святой. Далѣе, въ общемъ историческомъ смыслѣ полемика о пресущественiи имѣла только частное значенiе для своего времени. Сторона братьевъ Лихудовъ, Еввiмiя и патрiарха Иоакима побѣдила, но вовсе не побѣдило „греческое образованiе“. Видная роль Лихудовъ тогда же и кончилась; „греческое образованiе“ получило извѣстную роль въ семинарiяхъ, но все-таки гораздо большую роль играло въ этихъ семинарiяхъ то самое латинское образованiе, за которое стояли Полоцкiй, Медвѣдевъ и всѣ южно-русскiе и западные ученые люди изъ духовенства, а въ цѣломъ, гораздо болѣе широкомъ движенiи русскаго образованiя получила силу не греческая или латинская, а новѣйшая европейская школа. *Этого* поворота дѣла не ожидала ни одна изъ сторонъ, борющихся по вопросу о пресущественiи.

Такимъ образомъ, это была борьба временная и ограничивалась тою привычною областью, въ которой вѣками пребывала древняя русская письменность. Во всякомъ случаѣ однако вопросъ задѣвалъ за живое обѣ стороны, потому что была у однихъ потребность выйти на болѣе широкой путь книжнаго образованiя, а другiе упорно держались за старицу и предавали проклятiямъ самую попытку этихъ новыхъ запросовъ.

Очень любопытно, что Медвѣдевъ, возставалъ противъ старой книжнической неподвижности, особливо напалъ на излишнее довѣрiе русскiхъ къ грекамъ. Его вражда къ братьямъ Лихудамъ происходила между прочимъ оттого, что этимъ прiѣзжимъ чужеземцамъ отдано было управленiе той школы, которой онъ самъ хотѣлъ быть главою; но личная вражда имѣла основанiе

въ общемъ принципѣ. Сильвестръ, — говоритъ г. Прозоровскій, — сильно порицаетъ русское общество за безусловную вѣру по отношенію къ грекамъ, отъ которыхъ оно все принимало безъ провѣрки, „яко младенцы и яко обезьяна, человѣку послѣдствующе“. „Елико, — говорилъ Медвѣдевъ, — въ Россію грековъ духовнаго чина пріѣзжаютъ, то оныхъ пашпи духовніи едва не всѣхъ вопрошаваютъ: „како они нынѣ вѣрятъ, и какъ у нихъ въ чинѣхъ церковныхъ творится? дабы и намъ съ вами всегда были во всемъ согласнымъ“. И еже они повѣдаютъ: „нынѣ у насъ сие и сие творится“, то и пашпи духовніи не справили о ономъ съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставами, абіе яко младенцы, учителемъ уподобляющеся, весьма тпцатся по словеси грековъ такожде творити. А оныхъ грековъ спросити не хотятъ, тако ли прежде у нихъ издревле быша или не тако, и чесо ради нынѣ у нихъ такое бысть премѣненіе, дабы они о томъ писаніемъ отвѣтъ дали, и оною бы ихъ писаніе согласити здѣ (на Москвѣ) съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставами, и согласная бы и правая держати, а несогласная и ново отъ нихъ вводна отрѣзати... А нынѣ, — продолжаетъ Сильвестръ, — увы! пашему таковому перазумію вся вселенная смѣется, не точію же та, но и сами тіи нововѣзжіе греки смѣются и глаголють: „Русь глупая, ничтоже свѣдущая“. И не точію тако глаголють, но и свиніями насъ быти нарицають, вѣщающе сие: мы буди хоцехъ, тамо духовныхъ сихъ и обратимъ, — видимъ бо ихъ, ничтоже самихъ знающихъ, и намъ, яко безсловесны суще, во всемъ въ немже хоцехъ послѣдствуютъ“. Г. Прозоровскій справедливо замѣчаетъ, что въ горькихъ словахъ Медвѣдева сказывается „весьма важное проявленіе въ духовной жизни русскаго народа, пробужденіе сознанія въ необходимости работы собственнаго ума, въ необходимости строгой и беспощадной критики существующаго порядка вещей, когда русскіе, въ сознаніи своего безсилія во всемъ, пассивно шли за своими учеными греческими руководителями, — безпрекословно соглашались съ ними во всемъ, не пытаясь и не рѣшаясь оказать имъ въ чемъ-либо противорѣчіе или выступить противъ нихъ съ чѣмъ-либо своимъ“. Г. Прозоровскій указываетъ, какъ выросло это греческое вліяніе въ старой Россіи. „Въ силу такъ, а не иначе сложившихся историческихъ обстоятельствъ, русскому приходилось брать все готовымъ у грековъ и пересаживать взятое на свою почву, — приходилось всему учиться у грека, подражать ему и въ концѣ концовъ смотрѣть на него, какъ на своего руководителя и ошекуна“. Западъ былъ отгороженъ отъ русскихъ людей непроницаемою стѣ-

ною: „греки на первыхъ же порахъ позаботились внушить русскимъ представленіе о латинянахъ, какъ о самыхъ злыхъ еретикахъ, съ которыми не слѣдуетъ вступать ни въ какія отношенія,—которыхъ всегда и всячески надо посторожиться. Вслѣдствіе этого обстоятельства греческій авторитетъ до поры до времени дѣйствовалъ на Руси безъ всякой помѣхи и конкуренціи“. Но этотъ единственный источникъ свѣта изсякъ съ паденіемъ Византіи, и въ Москвѣ „образовался полный застой и совершенная исключительность, основанная на ревнивомъ охраненіи занесенныхъ изъ Византіи древнихъ преданій: „до насъ положено,—лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“. Русскіе по необходимости коснулись въ старыхъ попятихъ,* которыя переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ; они спѣсиво и съ презрѣніемъ смотрѣли на все чужое, инопоземное; ненавидѣли все новое, и въ какомъ-то „чудномъ самозабвеніи воображали, что православный россиянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое государство“... Само собою понятно, что такое настроеніе самодовольнаго невѣжества, тяготѣя страшнымъ гнетомъ надъ духовною жизнью народа, сказывалось неисчислимымъ вредомъ на его умственномъ, религіозно-нравственномъ и даже матеріальномъ благосостояніи. „Мы стали,—говорить Юрій Крижаничъ,—исчисляя вредныя послѣдствія русскаго невѣжества,—на укороеніе всѣмъ народамъ, изъ коихъ ины насъ люто обижаютъ, ины гордо презирають, а что все прискорбѣе — ругаютъ, укоряють, ненавидятъ насъ и зовутъ варварами. Варвары же,—по опредѣленію Крижанича,—суть люди, кои содержатъ въ себѣ отмѣнное злонавіе, худобу и несправду,—кои мудры на всяко зло, кои суть сильники, грабители, пещадные кровопійцы, лютые мучители, обманщики, бездушные и безбожные клитвопреступники... народы невѣжественные, кои не знаютъ ни благородныхъ наукъ, ни главныхъ промышленныхъ искусствъ,—кои лѣпивы, нерадивы, непромышленны и потому убоги“ (стр. 212—214).

Должно прибавить еще для болѣе точнаго опредѣленія спора „греческой“ и „латинской“ партій, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ „греческаго“ вліянія оно не достигло даже того, чтобы внушить русскимъ людямъ необходимость школы, и наконецъ, когда вселенскіе (греческіе) патріархи побывали въ XVII столѣтіи въ самой Москвѣ, они поражены были отсутствіемъ училищъ.

Такимъ образомъ, когда Медвѣдевъ писалъ приведенныя выше слова, онъ руководился мыслью вывести наконецъ русское общество изъ безсозпательнаго невѣжества и внушить самостоятель-

ную заботу о просвѣщеніи. Но „греческая“ партія еще разъ попыталась удержать вліяніе, ускользавшее изъ ея рукъ... Какъ мы раньше упоминали, появленіе въ Москвѣ кievскихъ и западно-русскихъ ученыхъ людей возбудило уже враждебное недобѣріе въ московскомъ духовенствѣ; оно было безсильно противъ Симеона Полоцкого, котораго все-таки ~~не~~дозорѣвало въ латинствѣ, потому что онъ пользовался расположеніемъ царей; но теперь оно рѣшилось повести окончательную борьбу съ такъ называемымъ латинскимъ направленіемъ, главнымъ представителемъ котораго былъ теперь Медвѣдевъ. „Противъ кievлянъ, — говоритъ г. Прозоровскій, — образовалась здѣсь сильная партія, рѣшившаяся такъ или иначе передать учительство русскихъ единовѣрнымъ и вполне православнымъ грекамъ, которые должны были уничтожить вліяніе и значеніе латинствующихъ кievлянъ. Дѣйствительно, по вызову патр. Іоакима на Москву явились самобратія Лихуды, которые скоро приобрѣли здѣсь рѣшающее значеніе на характеръ и направленіе въ дѣлѣ устройства школы. Послѣ этого значеніе кievлянъ, какъ людей науки, само собою должно пастъ и замѣниться значеніемъ ученыхъ грековъ“... Но когда эти греки восхваляли греческую науку, приверженцы латинской школы могли сказать, что самой греческой науки уже нѣтъ, что нынѣшніе греки берутъ свою ученость съ Запада (какъ и Лихуды учились въ падуанскомъ университетѣ). „Старомосковская партія получила поддержку и подерѣпленіе со стороны самобратій Лихудовъ, которые, подъ болѣе или менѣе искуснымъ прикрытіемъ ревности къ чистому православію и пользуясь готовымъ уже предлогомъ (дѣло Бѣлободега), раздули частный вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ, подстрекая патриарха и старомосковскую партію противъ такъ называемой латинской партіи“ (стр. 220). Мы упоминали выше, съ какой ненавистью противники Медвѣдева изображали его дѣятельность. „Въ царствующемъ великоградѣ Москвѣ, пресвѣтлосіяющемъ восточнаго благочестія, коварствомъ плевелосѣятеля врага діавола, произпиче тервъ латинскаго злочестія въ винницѣ Христовѣ великороссійскаго народа, пѣкто монашескимъ святымъ образомъ извнѣ одѣянный, впуоть же не токмо ничесого монашескаго не имѣя, но лжемонахъ сый, и еретическому латинскому отъ благочестія отступству послѣдова, именемъ Сильвестръ, прозваніемъ Медвѣдевъ“. Онъ оставилъ преданія святой восточной церкви, сталъ съ помощію діавола всѣвать въ православный великороссійскій народъ латинскій обычай и ересь (о пресуществленіи), прельстилъ многихъ православныхъ людей, смутилъ церковь, ввелъ

людей въ смертный грѣхъ и т. д. Въ концѣ концовъ противники Медвѣдева добросовѣстно утверждали, что Медвѣдевъ хотѣлъ привлечь православно-россійскій народъ „къ престолному новомудрованію западнаго костела“. Но при этомъ, — замѣчаетъ г. Прозоровскій, — у всякаго, кто изучалъ эту полемику о пресущественіи, естественно возникаетъ вопросъ: „поддерживая латинское мнѣніе по этому предмету, возставалъ ли Сильвестръ противъ авторитета православной восточной церкви? Мutilь ли онъ своимъ ученіемъ православную церковь? Иначе сказать: виновенъ ли Медвѣдевъ, какъ сынъ восточнаго православія, въ сложившихся такъ, а не иначе, историко-культурныхъ условіяхъ?“ (стр. 222).

Дѣло въ томъ, что этотъ вопросъ, кажется, впервые поднятъ былъ только на флорентинскомъ соборѣ въ 1439, и съ этихъ поръ соотвѣтственное изложеніе обряда внесено было въ латинскіе требники, откуда оно проникло (неизвѣстно, когда въ первый разъ и гдѣ) въ богослужебныя книги южно-русскія. Но когда вопросъ рѣшался на Западѣ, въ греческой и великороссійской церкви не выработалось по этому вопросу никакого твердоустановленнаго мнѣнія; повидимому, вопросъ считался довольно безразличнымъ. Но затѣмъ, когда извѣстная форма совершенія обряда была принята специально въ латинскомъ требникѣ, бывало, что это латинское мнѣніе высказывалось въ самой Москвѣ, не только не вызывая противорѣчій, но съ одобренія самихъ патріарховъ. „На Москвѣ латинское мнѣніе едва ли не впервые открыто было высказано (1666 г.) С. Полоцкимъ въ „Жезлѣ Правленія“, и не вызвало тогда никакого возраженія. Правда, латинское мнѣніе здѣсь высказано не такъ рѣшительно, какъ у послѣдующихъ (напр., у С. Медвѣдева) полемистовъ; по появленіе такого мнѣнія въ „Жезлѣ Правленія“, издавномъ отъ имени и за благословеніемъ двухъ восточныхъ патріарховъ и третьяго московскаго, для многихъ могло послужить весьма сильнымъ авторитетомъ. Извѣстны и другія указанія на существованіе среди православныхъ латинскаго мнѣнія о времени пресущественія св. даровъ... Около этого же приблизительно времени (точнѣе, между 1675—1678 гг.) извѣстный чудовскій инокъ Евѳимій, в послѣдствіи одинъ изъ главныхъ защитниковъ православнаго образа мыслей по вопросу о времени пресущественія св. даровъ, самъ держался и другимъ проповѣдывалъ чисто латинское мнѣніе и, что не безынтересно для насъ въ данномъ случаѣ, дѣлалъ это съ вѣдома и, кажется, по приказанію самого патр. Іоакима“. Г. Прозоровскій обратилъ вниманіе на эту черту дѣятельности чу-

довскаго инока, которой не замѣчали историки, обыкновенно пападавшіе на Медвѣдева за его латинство и восхвалявшіе Евѳиміа за его строго православное благочестіе. Есть однако цѣлое сочиненіе Евѳиміа, заключающее въ себѣ наставленіе священникамъ, и здѣсь излагалось по вопросу о пресуществленіи то самое латинское мнѣніе, за которое онъ впоследствии причислилъ Медвѣдева къ слугамъ діавола. „Такимъ образомъ, — говоритъ г. Прозоровскій, — въ своемъ „Воумленіи“ инокъ Евѳимій, съ вѣдома и даже, можетъ быть, по прямому приказанію патріарха Іоакима, является проповѣдникомъ латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ. Но этого мало: мы должны даже сказать, что и самъ патр. Іоакимъ, поскольку онъ „благословилъ“ трудъ Евѳиміа въ такомъ именно видѣ, *до пріѣзда Лихудовъ на Москву* также держался латинскаго мнѣнія“. Справедливость этого заключенія біографъ подтверждаетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что даже въ 1682 году, при вѣнчаніи на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, которое совершала патріархъ Іоакимъ, происходили по его приказанію извѣстныя обрядности, именно соотвѣтствующія латинскому пониманію пресуществленія (стр. 228—230). Мало того, „и раскольническіе первоучители, считающіе себя ревностными защитниками стариннаго status quo, держались латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи“. Авторъ, какъ всегда, приводитъ факты, и продолжаетъ: „замѣчательно, что первые расколуучители, обвиняя православную церковь въ разнаго рода латинскихъ „повшествахъ“, сами держались, какъ сейчасъ видѣли, чисто латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ! Но этого мало: въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что представители старообрядчества являются вѣдь защитниками старины и, въ частности, прежнихъ церковныхъ мнѣній и обрядовъ. Отсюда, если доверимся показанію Пустосвята, діакона Оедора и др., то съ болѣею или мѣньшею степенью вѣроятности должны заключать, что старинная (вѣрнѣе—до-никоповская) Русь иногда держалась отчасти латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи“.

Въ концѣ концовъ, пересмотрѣвъ, между прочимъ, древніе рукописные и печатные служебники, г. Прозоровскій заключаетъ: „уже одно только бѣглое разсмотрѣніе подлинно историческихъ свидѣтельствъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что до пріѣзда на Москву самообратевъ Лихудовъ въ Великороссіи (про Малороссію же въ этомъ отношеніи и говорить нечего)

какъ среди представителей церкви, такъ и въ богослужебныхъ книгахъ существовало латинское мнѣніе по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи. Этого мало: латинскаго мнѣнія по интересующему насъ вопросу держалась не одна только Россійская церковь; нѣтъ, оно было освящено на Руси „непогрѣшимыми“ отцами соборовъ, на которыхъ присутствовали авторитетные для русскихъ въ дѣлахъ вѣры восточные патріархи, строго слѣдившіе за чистотою православія какъ у себя на востокѣ, такъ и особенно у насъ на Руси“. „Слѣдовательно, — говоритъ осторожно г. Прозоровскій, — многія лица второй половины XVII-го вѣка (и между ними такія, какъ св. Димитрій Ростовскій, Сильвестръ Медвѣдевъ и др.) могли до извѣстной степени убѣждаться и признавать за истину то положеніе или, вѣрнѣе сказать, тотъ казавшійся для нихъ неоспоримымъ фактъ, что латинскаго мнѣнія по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ держалась иногда восточная греко-россійская церковь въ своихъ частныхъ членахъ—отъ простаго мірянина до самихъ патріарховъ. Вотъ почему въ данномъ случаѣ до извѣстной степени правъ св. Димитрій Ростовскій, по словамъ котораго „не отъ латинъ, но отъ грековъ пріятси въ россійстѣй церкви чинъ той, еже клапятися на словеса Христова, и подобаеть содержати чинъ той, святѣйшими вселенскими патріархами и россійскими архіереями преданный; ибо и прещеніе на непокоривыя тамо положено“ и т. д. (стр. 236—237).

Такъ было до пріѣзда Лихудовъ и до диспута ихъ съ Бѣлободскимъ, послѣ чего столь распространенное прежде и даже узаконенное мнѣніе о пресуществленіи было признано латинскимъ, и тѣ, кто рѣшился стоять за него и по существу и по давнему предаію, объявлены были отступниками отъ православія и проповѣдниками латинскаго злочестія. Не твердый въ своихъ мнѣніяхъ, по словамъ г. Прозоровскаго, патріархъ Іоакимъ сталъ на сторону Лихудовъ и приставшаго къ нимъ инока Евѣимія, хотя, какъ говорятъ современники, и самъ былъ потомъ не радъ, когда изъ-за этого поднялся ожесточенный церковный споръ; но, разъ вступивши на эту дорогу, онъ не только разрѣшалъ своимъ приверженцамъ извращать факты, но самъ предалъ анаѣемъ Медвѣдева, къ которому былъ враждебенъ по его отношеніямъ ко двору царевны Софьи.

Мы не будемъ входить въ подробности наступившей полемики. Изъ приведенныхъ фактовъ достаточно видно, насколько Медвѣдевъ могъ быть по этому вопросу обвиняемъ въ проповѣди латинскаго злочестія, когда въ дѣйствительности онъ стоялъ за

старое преданіе, котораго за два, три года передъ тѣмъ держался и самъ патріархъ Іоакимъ. Новѣйшіе историки, какъ было упомянуто выше, повѣривъ обвинителямъ Медвѣдева, сваливали на него всю вину церковныхъ волненій и латинской ереси; а на дѣлѣ онъ совершенно искренно держался старины и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо негодовалъ на измѣнчивость церковныхъ властей. Понятно, что слова егѣ не могли быть пріятны патріарху Іоакиму и его приближеннымъ, которые были настоящими его внушителями. Этимъ положеніемъ существа дѣла объясняется и то, что говоритъ г. Прозоровскій о самомъ тонѣ этой полемики: „Вопреки завѣренію апологетовъ инока Евѣимія, мы съ необходимостью должны отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что противъ спокойнаго и ровнаго тона Медвѣдева въ его „Хлѣбъ животномъ“ инокъ Евѣимій *первый* ввелъ въ полемику и пустилъ въ оборотъ раздражительный, задорно брагчливый и совершенно неприличный въ такомъ дѣлѣ тонъ, за позднѣйшее дозволеніе чего со стороны Сильвестра тотъ же Евѣимій сталъ потомъ такъ усиленно нападать и поставлать это въ вину своему оппоненту. Собственно, безъ преувеличенія можно сказать, что почти все Евѣиміевское „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія“ состоитъ изъ подбора бранныхъ словъ и неприличныхъ по своему тону выраженій, направленныхъ по адресу С. Медвѣдева“ (стр. 253).

Нѣтъ надобности излагать самый ходъ богословской полемики. Довольно сказать, что по признапію самого Медвѣдева онъ неоднократно получалъ запрещенія продолжать ее отъ „начальныхъ духовныхъ“; но считая себя правымъ, онъ не подчинялся запрещенію, и тѣмъ, конечно, крайне раздражилъ противъ себя начальныхъ духовныхъ, т.-е. самого патріарха; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получалъ ободренія со стороны царевны Софьи. А главное, полемика велась противъ него недобросовѣстно: когда онъ дѣйствительно имѣлъ за себя „древне-преданный“ обычай, что онъ и указывалъ, противники, которымъ не выгодно было признать этотъ обычай, представляли самого Медвѣдева вводителемъ латинскаго обычая и провозглашали его униатомъ и латинщикомъ. Обвиненіе это приводило Медвѣдева въ крайнее негодованіе и ему безъ сомнѣнія искренно представлялось, что въ дѣйствіяхъ Лихудовъ, которыя были главными руководителями „греческой“ партіи, скрывается какаѣ-то темная интрига. На вопросъ, откуда начался въ Россіи этотъ церковный раздоръ, Медвѣдевъ находитъ одинъ отвѣтъ: „мнози греки люди неправедни, сребролюбцы паче, неже боголюбцы, — вѣщце любять ложь,

неже истинну, якоже о нихъ свидѣтельствуеть св. Павель, глаголя: „Критяне присноживи“,—и тако оци не точию самихъ себѣ, но и другихъ простѣйшихъ въ погубель вводятъ“; Лихуды были „лестцы и лживцы“, по его мнѣшю подосланнныя „отъ еретиковъ люторовъ или калвиновъ или отъ римлянъ на возмущеніе нашея православныя вѣры“, и надо опасаться, „дабы они своєю лукаво-образною хитростью нашея православныя вѣры прѣжде смуты, а потомъ во ину каковую вѣру не превратили“. Медвѣдевъ опять имѣлъ неосторожность упомянуть о печальныхъ духовныхъ, которые были слишкомъ довѣрчивы къ этимъ „лживцамъ“. Противная партія не замедлила выставить свои обвиненія и чудовскій инокъ Евоній, по словамъ г. Прозоровскаго, „пользуется весьма неблаговиднымъ приемомъ“, объявляя Сильвестра авторомъ сочиненія, ему не принадлежавшаго, и взводя на него небывалыя уголовныя преступленія, подлежащія строгой отвѣтственности по „градскимъ“ законамъ. „Онѣй боритель церкви Христовы, яко владыка пишетъ, *хотя* сицевымъ образомъ наступити и *попрати* всю власть царскую же и церковную; сего ради и къ людямъ пишетъ, яко да лукавое свое намѣреніе получить, еже не даждь, Господи Боже, никогда видѣти, но присно... да сіяеть великая власть царская же и церковная... и да побѣждаетъ супостаты си“ (стр. 293). Когда книжная полемика не имѣла успѣха, чудовскій инокъ призывалъ народъ противъ своего врага: „прими оружіе и щить, востани въ помощь, исторгни мечъ, поборствуй по матери твоей (церкви), зашей и заключи неправедно глаголющихъ, да нѣмы будутъ усты лживыя и лживыя,—прободай противящыяся, испусти стрѣлы... посли врагомъ и разжени тыя... да будутъ яко прахъ предъ лицемъ вѣтра... и ангель Господень да будетъ погоняй и поражай тыя, и падутъ подъ ногами православныхъ, и да исчезнутъ и погибнутъ и въ ничтоже да будутъ“. Пущена была молва, что Медвѣдевъ хотѣлъ даже убить „главу и отца всего російскаго царства“, патриарха Іоакима, и иныхъ начальныхъ духовныхъ лицъ а впослѣдствіи прибавляли даже, что онъ злоумышлялъ на „самое пресвѣтлое царское величество“ царя Петра Алексѣевича. Безъ сомнѣнія, объ этихъ замыслахъ Медвѣдева внушали и самому патриарху. Медвѣдевъ сталъ бояться за свою безопасность, избѣгалъ встрѣчаться съ патриархомъ, просилъ, чтобы его отпустили изъ Москвы, но царица Софья держала его, обѣщая свою защиту, и келья Медвѣдева была одно время охраняема стрѣльцами на случай нападенія патриаршихъ людей. Когда наконецъ отношенія царицы Софьи и Петра обострились до такой сте-

пени, что взрывъ былъ неминуемъ, Медвѣдевъ дѣйствительно бѣжалъ изъ Москвы; но было уже поздно: враждебныя дѣйствія вспыхнули. Петръ съ своими приверженцами утвердился въ Троицкой Лаврѣ, туда же отправился патріархъ Іоакимъ, и когда партія Нарышкиныхъ потребовала выдачи Шакловитаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали и выдачи Медвѣдева. Посланные за нимъ, не найдши его въ Спасскомъ монастырѣ, были разсланы по разнымъ направленіямъ и онъ былъ схваченъ въ одномъ монастырѣ по смоленской дорогѣ. На допросахъ онъ объяснилъ, безъ сомнѣнія, справедливо, что бѣжалъ отъ страха патріарха (т.-е. политическаго преступленія за собой не чувствовалъ); враги его говорили, что Медвѣдевъ, измѣнивъ православной церкви и пресвѣтлomu величеству, „яко прежній лжемонахъ рострига Гришка Отрепьевъ, *побѣжа* въ Польское государство, хотя не ино что, токмо смущеніе воздвигнути, и на православную нашу вѣру восточнаго благочестія брань воставити отъ римскаго костела, и всему благочестивѣйшему россійскому царству иѣкое зло сотворити“ (стр. 330).

Мы привели эти подробности, чтобы показать настроеніе, въ какомъ пребывали враги Медвѣдева. Обвиненія были безсмысленны, и онъ показывали, что Медвѣдеву пельзя было ждатель добра.

Накопецъ, взрывъ совершился: перваго сентября 1689 года пришло изъ Троицы къ царевнѣ Софьѣ требованіе выдать Шакловитаго и Медвѣдева, какъ главныхъ зачинщиковъ бунта и смертнаго убійства; 7-го сентября былъ выданъ Шакловитый, а черезъ нѣсколько дней привезенъ былъ и отысканный на бѣгствѣ Медвѣдевъ. Біографъ послѣдняго, какъ и многіе историки той эпохи, относится къ розыскному дѣлу крайне педовѣрчиво. „Никакого серьезнаго заговора на жизнь Петра, Патали Кирилловны и патріарха рѣшительно не было... Если Шакловитый и подговаривалъ стрѣльцовъ на отчаянное дѣло, то они ни когда бы на него не рѣшились: царубійства можно было ожидать только со стороны высшихъ бояръ, а приверженцы Софьи, даже самыя близкіе къ ней, съ нескрываемымъ ужасомъ выслушивали даже одни только предположенія и намеки на страшныя кровавыя замыслы. Явныя нелѣпности, которыя приписывали сторонникамъ Софьи, даютъ полнѣйшую возможность оцѣнить степень достовѣрности и другихъ извѣстовъ, и судить вообще о ходѣ самаго производства дѣла. Всякая сплетня, распуцелпая обусурманившимся казакомъ, каждый извѣтъ ловкаго схимника или пройдохи-поляка—все служило для обвиненія противниковъ Нарышкинской партіи. Сами слѣдователи едва ли не лучше нашего

знали, что многіе извѣты или ложны, или преувеличены и чуть ли нѣкоторые не ими самими подстроены... Розыскъ падъ заговорщиками велся какъ будто только для исполненія обряда, формы“. Главныхъ виновныхъ заранѣе рѣшено было казнить, а прочихъ допрашивали какъ будто для того, чтобы оправдать назначенныя казни. „Дѣйствій не было никакихъ; самъ Шакловитый, именемъ котораго названъ мнимый бунтъ, былъ обвиняемъ только въ намѣреніяхъ, да и то по извѣтамъ доносчиковъ. Другого впечатлѣнія изъ чтенія и болѣе или менѣе внимательнаго разбора „Розыскныхъ дѣлъ о О. Шакловитомъ и его сообщникахъ“ и вынести нельзя: все дѣло объясняется только съ точки зрѣнія борьбы за первенство власти“ (стр. 326—327). Впечатлѣніе г. Прозоровскаго не было въ этомъ случаѣ единичнымъ. Такъ думали прежде и другіе историки, напримѣръ Погодинъ. Г. Прозоровскій останавливается особливо на обвиненіяхъ, выставленныхъ противъ Медвѣдева.

„Во всемъ дѣлѣ Шакловитаго не было никакого заговора на жизнь Петра; царевѣйства можно было ожидать не со стороны „худородныхъ“, а со стороны высшихъ бояръ. И дѣйствительно, приверженцы Софіи съ нескрываемымъ ужасомъ выслушивали даже одни только предположенія и намеки на страшные кровавые замыслы: В. В. Голицынъ, напримѣръ, никогда не одобрялъ крутыхъ мѣръ, даже вѣнчаніе правительницы на царство считалъ дѣломъ весьма великимъ, а С. Медвѣдевъ, услышавъ о преступныхъ замыслахъ, грозилъ страшнымъ судомъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы возстать противъ царя... Подъ пыткой Медвѣдевъ снова признался, что такъ онъ „говорилъ стрѣльцамъ для того, чтобы тому дѣлу не быть, и чтобы то дѣло разорить“. Сталъ ли бы говорить такія рѣчи государственный преступникъ, замышлявшій будто бы на жизнь Петра?“ (стр. 340). Самую крупную свою государственную измѣну Медвѣдевъ показалъ въ „пыточныхъ рѣчахъ“—что, по приказанію Шакловитаго, на портретѣ царицы подписалъ титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы“, изобразилъ семь добродѣтелей царицы и сложилъ въ похвалу ея вирши: фактъ былъ незначительный, но онъ свидѣтельствовалъ о привязанности Медвѣдева къ царицѣ Софѣѣ, и содѣйствіе ея возвеличенію виршами стало государственнымъ преступленіемъ.

Біографъ ставитъ далѣе вопросъ: въ чемъ наконецъ выразился „воровство, измѣна Медвѣдева и возмущеніе къ бунту“, и заключаетъ, что государственныхъ преступленій у него не было, кромѣ личной близости къ Шакловитому и царицѣ Софѣѣ. Еще

меньше Медвѣдевъ былъ виновенъ въ церковныхъ преступленіяхъ и намѣреніи убить патріарха. На допросахъ онъ сказалъ, что церкви святой онъ никакимъ смущеніемъ не смущалъ, и біографъ подтверждаетъ, что въ спорѣ съ Лихудами традиціонная правда была на его сторонѣ. Но—„догматическія мнѣнія Сильвестра какое имѣли отношеніе къ дѣлу о заговорѣ Шакловитаго, и имѣли ли право члены розыскной комиссіи подвергать челоуѣка страшнымъ пыткамъ за то только, что онъ позволялъ себѣ открыто высказывать казавшуюся ему правду? Да, съ точки зрѣнія Нарышкинской партіи, къ которой примыкалъ потерпѣвшій поражение въ догматическихъ спорахъ патр. Іоакимъ, слѣдователи были вполнѣ правы: имъ необходимо было завипить Сильвестра, хотя бы для этого потребовалось нарушеніе законовъ и правды, чтобъ тѣмъ самымъ сдѣлать угодное для патріарха, оказавшаго большія услуги сторонѣ Наталіи Кирилловны и ея сына. Отсюда для насъ становится вполнѣ понятнымъ и все обвиненіе Медвѣдева въ проступкахъ противъ патріарха“. На допросахъ Медвѣдевъ не отказался, что говорилъ про святого патріарха слова, обидныя для его самолюбія, что онъ „учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ“, и біографъ опять подтверждаетъ, что въ своихъ отзывкахъ объ учености патріарха онъ былъ правъ.

Касаясь далѣе тѣхъ слуховъ, какіе ходили въ Москвѣ или сочинялись врагами Медвѣдева объ его честолюбивыхъ замыслахъ, именно объ его намѣреніи быть патріархомъ, а потомъ подчинить русскую церковь римскому папѣ, біографъ вообще находитъ совершенно пелѣпыми толки о пристрастіи Медвѣдева къ латинству, а затѣмъ слухи объ его замыслахъ объясняетъ однимъ болѣе позднимъ фактомъ. „Дѣло въ томъ, что пойманный въ началѣ 1691 г. Алексѣй Стрижовъ при розыскѣ открылъ небывалыя связи Медвѣдева съ мнимыми волхвами, которые будто „обнаружили замыслы Сильвестра не только на жезль патріаршій, но и на царскую (даже?) корону“, въ чемъ будто бы, послѣ жестокаго истязанія огнемъ и желѣзомъ, вполнѣ сознался самъ Медвѣдевъ, и за это былъ казненъ. Итакъ, признаніе самого Медвѣдева, а не иное что, по нашему крайнему разумѣнію, послужило твердымъ (?) основаніемъ распространеннаго на Москвѣ слуха о честолюбивыхъ замыслахъ Сильвестра, мечтавшаго будто бы вступить на патріаршую кафедру и подъ главенствомъ папы соединить русскую церковь съ римско-католическою. Мы не станемъ говорить здѣсь о полнѣйшей невозможности придавать болѣе или менѣе серьезное значеніе целѣному показанію, вынужденному у челоуѣка путемъ жестокаго наказанія огнемъ и желѣзомъ;

замѣтимъ только, что еслибы допрашивали Медвѣдева побольше и поусерднѣе, то онъ могъ бы, пожалуй, сказать вполне безумныя слова: „сдѣлавшись патріархомъ и царемъ, я хотѣлъ-де быть Богомъ“.

Общее заключеніе біографа, выведенное изъ подробнаго разбора фактовъ и свидѣтельскихъ показаній, таково: „Медвѣдевъ вовсе не былъ отчаяннымъ революціонеромъ, будто бы намѣревавшимся произвести насильственный персворотъ въ сферѣ государственной и церковной жизни: обвинительные пункты ясно говорятъ сами за себя, и изъ нихъ вовсе не видно, чтобы Медвѣдевъ, дѣйствительно, былъ измѣнникомъ и заговорщикомъ; напротивъ, несмотря на страшныя истязанія во время пытокъ, онъ не нашелъ въ своей жизни ни одного преступнаго замысла; несмотря на пристрастное слѣдствіе, никто изъ свидѣтелей не могъ доказать за нимъ какой-либо серьезной вины“ (стр. 348—349).

Медвѣдевъ приговоренъ былъ къ смертной казни 5-го октября 1689. Шакловитый былъ казненъ тотчасъ послѣ розыскаго дѣла, но казнь Медвѣдева оставалась безъ исполненія очень долго, болѣе года. Онъ посаженъ былъ въ „твердое хранило“, т. е. въ крѣпкую тюрьму въ Троицкомъ монастырѣ; за нимъ учрежденъ былъ строжайшій надзоръ, онъ долженъ былъ подвергаться увѣщаніямъ для признанія въ своей „ереси“. Полагаютъ, что казнь отложена была потому, что отъ него ожидали показаній о князѣ Василии Васильевичѣ Голицынѣ; но, судя по другимъ фактамъ, надѣялись, кажется, добиться еще отъ него полнаго отрицанія отъ своей ереси, которое было бы окончательнымъ торжествомъ „греческой“ партіи и патріарха Іоакима.

Но здѣсь біографъ опять встрѣчается съ дѣлымъ рядомъ противорѣчивыхъ показаній, которыя прежде и приводили историковъ къ разнорѣчивымъ заключеніямъ. А именно, рассказывается, что, находясь въ твердомъ хранилѣ, Медвѣдевъ, вслѣдствіе увѣщаній мудрыхъ духовныхъ, въ числѣ которыхъ былъ даже и одинъ изъ Лихудовъ, принесъ торжественное покаяніе, отвергъ и проклялъ свою прежнюю ересь, восхвалялъ ученіе своихъ прежнихъ враговъ и, наконецъ, написалъ все это въ собственноручномъ исповѣданіи, и одновременно съ нимъ представилъ свое покаяніе другой еретикъ, іерей Савва Долгій. Свое исповѣданіе Медвѣдевъ прочелъ будто бы при свидѣтеляхъ въ одномъ изъ московскихъ храмовъ, а кромѣ того оно было рассмотрѣно на особомъ соборѣ святителей и московскаго духовенства.

Подвергнувъ всѣ эти повѣствованія и сохранившіеся документы самому внимательному разбору, біографъ Медвѣдева встрѣ-

тился, однако, съ такими противорѣчiями и невѣроятностями, что пришелъ къ рѣшительному сомнѣнiю въ дѣйствительности всѣхъ этихъ событiй, начиная съ того, что мнимое собственноручное исповѣданiе Медвѣдева не имѣетъ никакого подобiя съ его почеркомъ и совершенно невѣроятно по своему складу и содержанию. Г. Прозоровскiй заключаетъ: „Итакъ, покаянное исповѣданiе Медвѣдева рѣшительно нельзя считать его „собственноручнымъ писанiемъ“: оно составлено помимо желанiя самого Медвѣдева и, какъ таковое, принадлежитъ къ числу подложныхъ документовъ, имѣвшихъ извѣстное значенiе для своего времени. Отсюда уже само собою понятно, что и самый московскiй соборъ, созванный будто бы по поводу покаяннаго исповѣданiя Медвѣдева (и Саввы Долгаго), долженъ представляться намъ въ крайне подозрительномъ видѣ. И мы, дѣйствительно, заранѣе утверждаемъ, что такого собора вовсе не было на Москвѣ, и дѣянiя его, какъ никогда не имѣвшего своихъ засѣданiй, остаются (да такъ оно, конечно, и должно быть) совсѣмъ неизвѣстными. Замѣчательно: сами представители и сторонники греческой партiи вовсе не рѣшались утверждать фактъ созванiя особаго собора на Медвѣдева“ (стр. 367).

„Такого собора,—продолжаетъ бiографъ,—вовсе не было на Москвѣ, а извѣстные намъ „судъ и изреченiе синодальное“ составлены, вѣроятно, однимъ изъ приближенныхъ къ патр. Иоакиму лицъ съ худо скрытою цѣлью—выставить на показъ пошлѣйшее торжество и всю безусловную правоту дѣла представителей греческой партiи, такъ неудачно ратовавшихъ съ „латинниками“ по спорному вопросу о времени пресуществленiя св. даровъ въ таинства свхаристiи“.

Наконецъ, Медвѣдевъ былъ казненъ 11-го февраля 1691 года.

На послѣднихъ страницахъ изслѣдованiя бiографъ дѣлаетъ общую характеристику Медвѣдева. Мы видѣли, какимъ извергомъ хотѣли изобразить Медвѣдева его противники, за которыми слѣдовали и многiе изъ новѣйшихъ историковъ, когда еще не были приведены сполна въ извѣстность и не разслѣдованы всѣ бiографическiе матеріалы о Медвѣдевѣ. Новый бiографъ, изучивъ самымъ внимательнымъ образомъ эти матеріалы, даетъ совсѣмъ иное изображенiе этого историческаго человѣка. „На самомъ дѣлѣ оказывается, что старецъ Сильвестръ, любимецъ царя Осдора и царевны Софьи, былъ человѣкъ мягкiй, осторожный, ученый для своего времени, чего не могли отрицать и сами противники его,—глубоко образованный и широко начитанный... Это была натура эпергическая, съ неутолимою жаждою дѣятельности... вмѣстѣ съ

тѣмъ Медвѣдевъ былъ человѣкъ откровенный и, притомъ, всегда готовый постоять за свои убѣжденія: не даромъ его приговорили къ одиночному заключенію въ „твердомъ хранилѣ“ и лишили чернилъ и бумаги; не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, на заготовленномъ для Сильвестра покаянномъ исповѣданіи нѣтъ его собственноручной подписи... Спокойный тонъ большинства сочиненій Сильвестра окончательцо обрисовываетъ его свѣтлую личность и его нравственные взгляды: „пастыри, по словамъ Медвѣдева, ...истино посягаютъ: мясъ не ядуще, плоти ближняго не ѣдятъ,—виша не пьюще, крове братскія не пьютъ, ниже злыми лживыми глаголы и пагубными лестию, яко зубами, не грызутъ брата своего“. И, замѣчательно: всею своею жизнью Медвѣдевъ доказалъ вѣрность своимъ словамъ, которыя онъ, яко добрый пастырь, напрасно старался привить погрязшимъ въ тинѣ невѣжества современникамъ. Да, у „чернца великаго ума и остроты ученой“ слово никогда не расходилось съ дѣломъ: это былъ характеръ дѣловитый и неизмѣнно вѣрный своимъ лучшимъ облагороженнымъ стремленіямъ. Вотъ почему такой человѣкъ не могъ пользоваться вполнѣ понятно для насъ терпимостью со стороны извѣрившихся самихъ въ себѣ москвичей второй половины XVII-го вѣка, которые ничего не хотѣли знать, кромѣ однихъ только престестей полюбившагося имъ „китаизма“ со всеми его послѣдствіями: по-истинѣ, то были „многосѣтованная и плача достойная времена“, когда „коварство плсвелостителя врага діавола“ не встрѣчало для себя, необходимаго въ такомъ случаѣ, массоваго отпора и пользовалось покровительствомъ со стороны многихъ... Въ Сильвестрѣ пробудилось сознаніе въ необходимости работы собственнаго ума, въ необходимости критики существующаго порядка вещей, дабы не уподобиться неразумнымъ дѣтямъ, принимающимъ все на вѣру. Сильвестра тяготили младенчески-рабское состояніе умственной жизни русскаго человѣка, та умственная подавленность наша, въ которой онъ небезосновательно вирилъ грековъ; Сильвестръ сталъ искать выхода и находилъ его въ сближеніи съ западомъ, куда давно уже тяготѣли выдающіяся лица русскаго передоваго общества. Въ этомъ отношеніи Медвѣдевъ былъ однимъ изъ видныхъ піоперовъ XVII-го вѣка и однимъ изъ провозвѣстниковъ будущихъ реформъ Петра“ (стр. 375—376).

Правда, — замѣчаетъ г. Прозоровскій, — дѣятельность людей „латинской“ партіи могла бы дать реформъ другую религіозную окраску, чѣмъ было при Петрѣ, когда обнаружилось „замѣтное сочувствіе къ протестантизму“ (на это можно сказать, что такое

сочувствіе къ протестантизму обыкновенно ставится на счетъ Теофану Прокоповичу, который, однако, былъ также человѣкъ „латинской“ школы),—но во всякомъ случаѣ „уцѣлѣвшіе малорусскіе дѣятели и ихъ сторонники явились, по крайней мѣрѣ на первое время, помощниками и сторонниками Петра, а старомосковская партія исчезла почти безслѣдно или же примешула къ новому свѣжему теченію, шедшему прямо отъ латинствующихъ“.

„И, замѣчательно: эти лица не порвали связи съ родною почвой; нѣтъ, оставаясь людьми русскими-православными, они умѣли взять съ запада то, что тамъ было хорошаго, не отвергая въ то же время и того изъ византійскаго наслѣдства, что принадлежитъ къ обще-человѣческому культурному достоинію“.

Въ приложеніяхъ къ своему сочиненію г. Прозоровскій помѣстилъ еще обширные тексты сочиненій Медвѣдева и тогдашней полемики, сопроводивъ ихъ обстоятельнымъ комментариемъ. Между прочимъ, онъ подробно остановился на высказанномъ недавно мнѣніи, отвергавшемъ принадлежность Медвѣдеву извѣстнаго „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ“, по которому издавшій его пѣюгда Ундольскій назвалъ Медвѣдева отцомъ русской библиографіи. Г. Прозоровскій подробно разобралъ всѣ возраженія, какія сдѣланы были противъ рѣшенія Ундольскаго, принятаго потомъ другими историками, и нашелъ эти возраженія далеко не вполне доказательными; съ своей стороны онъ предпочитаетъ по прежнему приписывать этотъ трудъ Медвѣдеву или, по крайней мѣрѣ, считать вопросъ открытымъ.

Такова новая біографія Медвѣдева. Это, безъ сомнѣнія, лучший и наиболѣе обстоятельный трудъ о замѣчательномъ дѣятелѣ XVII-го вѣка, гдѣ авторъ сполна пересмотрѣлъ всю прежнюю литературу предмета, а главное, изучилъ обширный матеріалъ рукописей, никѣмъ до тѣхъ поръ не рассмотрѣнный съ такою полнотою. Путемъ этого внимательнаго изученія авторъ, сопоставляя фактическія данныя и не подчиняясь выводамъ предшественниковъ (впрочемъ, совершенно противорѣчивымъ въ основныхъ пунктахъ), пришелъ, какъ намъ кажется, къ правильной исторической постановкѣ запутапаго до сихъ поръ вопроса.

Книга г. Козловскаго есть одна изъ университетскихъ работъ молодыхъ ученыхъ, какія нерѣдко являются въ послѣднее время въ кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ и выходятъ также отдѣльно. Насколько возможно было въ Кіевѣ, авторъ пользовался главнымъ образомъ печатными источниками и пособиями, но затронулъ и источники письменные, а именно, издалъ по

рукописи Григоровича „Созерцаіе краткое лѣтъ 7190 и 191 и 192“,—но, какъ вскорѣ оказалось, то же „Созерцаіе краткое“ появилось одновременно въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей (по пѣсколькимъ рукописямъ), какъ начало работъ г. Прозоровскаго надъ Медвѣдевымъ. Книга г. Козловскаго не вошла въ перечисленную г. Прозоровскимъ (въ 1896) литературу предмета, но находитъ свое мѣсто между предварительными работами по этому предмету, и ея содержаніе, какъ всѣ прежніи сочиненія о Медвѣдѣвѣ, покрыто было изслѣдованіями новаго біографа, который, какъ мы видѣли, впервые широко разработалъ архивные источники.

А. Пыпинъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**